

ББК 65.9(2)-1

УДК 338.92

Ф 152

Ф 152 **Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию** / под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.

ISBN 978-5-89665-289-2

Научный редактор: д.с.н., профессор З.И. Калугина

В монографии представлены результаты многолетних эмпирических исследований в разных регионах России, обобщённых в виде авторской концепции формирования и трансформации сельских хозяйственных укладов. Особый акцент сделан на роли последних в самоорганизации сельских сообществ в период постсоветских аграрных реформ. Исследуются процессы разрушения старых и появления новых форм организации хозяйственной жизни, обеспечивающих устойчивость локальных сельских сообществ в условиях разнообразных внешних вызовов. Рассмотрен генезис подходов к пониманию механизмов устойчивого сельского развития. Формулируются принципы государственной аграрной политики, дифференцированной с учётом особенностей многоукладных хозяйственных систем.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: социологов, экономистов, историков, учёных-аграрников, специалистов-практиков, студентов и аспирантов, специализирующихся в области сельской социологии, а также всех тех, кому небезразличны прошлое, настоящее и будущее российской деревни.

ISBN 978-5-89665-289-2

© ИЭОПП СО РАН, 2015 г.

© Фадеева О.П., 2015 г.

Глава 4. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОСТИ

В данной главе приводится обзор концепций сельского развития, анализируется участие государства и местных сообществ в реализации различных сельских проектов, обеспечивающих социально-экономическую устойчивость локальным системам. Ставится вопрос о допустимости применения жёстких механизмов и инструментов конкуренции среди представителей разных укладов в борьбе за базовые ресурсы территории в контексте традиций и моральных норм сельского образа жизни. Анализируются реальные практики самоорганизации сельских сообществ в условиях распада коллективных хозяйств и поиска новых сфер и режимов занятости сельского населения. Особый акцент сделан на роли представителей органов местного самоуправления и неформальных лидеров в качестве посредников при согласовании интересов субъектов разных хозяйственных укладов, а также на возможные способы интеграции местных ресурсов и финансирования местных инициатив. Рассматривается опыт Новосибирской и Белгородской областей по формированию и реализации программ сельского развития, опирающихся на многоукладность и диверсификацию сельской экономики.

4.1. Устойчивое сельское развитие, конкуренция и сотрудничество хозяйственных укладов

В самом общем виде понятие «устойчивое развитие», согласно определению Всемирной комиссии по экологии и развитию ООН, подразумевает «способность удовлетворять потребности живущих без ущерба для возможности будущих поколений также удовлетворять свои потребности» [Устойчивое развитие..., 2009, с. 5]. Программы «устойчивого сельского развития», как правило, включают комплекс стратегических инициатив, касающихся экономического развития сельских территорий (стимулирование производства в рамках сельскохозяйственного и несельскохозяйственного секторов) и расширения доступа сельских производи-

телей к финансовым ресурсам; укрепления сельской инфраструктуры и повышения качества социального обслуживания сельского населения (прежде всего в области здравоохранения и образования); борьбы с сельской бедностью и развития местного самоуправления [Устойчивое развитие..., 2009, с. 7–8]. В программных правительственных документах идеальной видится такая модель устойчивого развития сельских территорий России, при которой «обеспечивается рост, диверсификация и повышение эффективности сельской экономики; воспроизводство и повышение качества человеческих ресурсов, полная и продуктивная занятость трудоспособного населения; повышение уровня и качества жизни в сельских районах; рациональное использование и воспроизводство их природно-ресурсного потенциала» [Устойчивое развитие..., 2009, с. 15–16].

В 2013 г. было опубликовано первое в России учебное пособие «Устойчивое развитие сельских территорий», подготовленное международным коллективом авторов как результат работы консорциума немецких, французских, польских, словацких и российских научно-исследовательских и образовательных организаций при поддержке Европейского союза [Устойчивое развитие..., 2013]. Представленные в нем 12 образовательных модулей задают стандарт для обучения представителей государственных органов власти на национальном, региональном и местном уровнях. В этом пособии описаны возможные подходы к разработке региональных и муниципальных программ устойчивого развития и вовлечения населения в этот процесс, рассматриваются проблемы экологизации сельского хозяйства, развития сельского и экологического туризма, экологической маркировки и маркетинга региональной продукции сельских территорий, управления биологическими ресурсами, вопросы продовольственной безопасности и контроля качества продукции. В предисловии к изданию международный координатор проекта – немецкий профессор М. Дитрих (университет Хоенхайм) особо подчеркнул неприемлемость рыночной оценки компонентов устойчивого развития: «устойчивость требует чёткого видения будущего, которое экономически тяжело выразить в текущей стоимости, если эта стоимость определяется исключительно на основе рыночного подхода. Рынки являются абсолютно непригодными для оценки общественных

благ (биологические виды, чистый воздух, чистая вода) и перевода их будущей стоимости в текущие цены» [Устойчивое развитие..., 2013, с. 7–8].

В данной работе мы сделаем акцент на другой стороне «устойчивого развития», связанной с сохранением целостности сельских сообществ в условиях быстрых трансформаций и внешних «шоковых» воздействий. Целостность сельского сообщества подразумевает наличие устойчивых внутренних связей экономического и социального характера. Миграция субъектов между укладами способствует сохранению системы социальных связей, повышает экономическую устойчивость локальной хозяйственной системы и позволяет ей гибко реагировать на вызовы внешней среды.

Доминирование одного уклада может спровоцировать разрушение системы сложившихся социальных взаимодействий, увеличивает риски экономических потрясений в случае резкого изменения внешних факторов и приводит к атрофии компенсаторных механизмов самоорганизации. Устойчивое развитие сельских территорий в используемой нами трактовке предполагает проведение специальной государственной политики, направленной на поддержку разумного баланса между разными укладами и недопущения «примитивизации» социальной и хозяйственной жизни в результате преобладания самого «сильного» в экономическом плане уклада.

Субъекты хозяйствования, как правило, одновременно являются и членами сельских сообществ. Исключения из этого могут составлять внешние (городские) инвесторы (собственники) или управляющие, которые в меньшей степени идентифицируют себя с локальным социумом. Тем не менее любые экономические субъекты преследуют свои бизнес-интересы, которые могут входить в противоречие с социально-экономическими интересами сельского большинства. Это может касаться сферы занятости, использования земли и других природных ресурсов, тарифно-ценовой политики и т.д.

Связь между корпоративными (патерналистскими и предпринимательскими) и семейными (потребительскими и предпринимательскими) укладами прежде всего осуществляется через занятость работников и те ресурсные потоки, которые курсируют

между предприятиями и семейными хозяйствами – от одного уклада к другому. При этом сельское сообщество также получает определённый эффект от этих взаимодействий. С одной стороны, эти субъекты хозяйствования могут выступать спонсорами социальных проектов и инвесторами реконструкции поселенческой инфраструктуры. С другой стороны, жизнеспособность и настрой сельского сообщества во многом будут зависеть от того, к каким соглашениям приходят между собой субъекты хозяйствования по поводу получения доступа к ключевым ресурсам и технологий их использования. Вопросы природопользования и экологии непосредственно влияют на развитие территории и затрагивают интересы и тех жителей, которые могут быть не связаны с «корпоративными укладами» напрямую.

Ранее нами было показано, каким образом сложившаяся в сельской России в 1990-е годы многоукладность обеспечила выживаемость сельского населения в самых неблагоприятных экономических условиях. При этом нельзя сказать, что агенты (представители) выделяемых нами хозяйственных укладов в рамках одной локальной хозяйственной системы мирно сосуществовали друг с другом и сохраняли нейтралитет. Зачастую они вели между собой жёсткую борьбу за ресурсы – прежде всего, за землю и работников. Кроме того, используемое нами понимание хозяйственного уклада предполагает возможность одновременного отнесения одного и того же субъекта к разным укладам. Такого рода «мультиукладные» субъекты могут выступать в роли своеобразных проводников, обеспечивающих взаимодействие укладов. Например, работник коллективного предприятия, использующий его ресурсы для ведения семейного хозяйства, образует устойчивый канал связи между «корпоративно-патерналистским» и «семейно-потребительским» укладами.

«Конфигурация» многоукладности и правила взаимодействия субъектов хозяйствования имеют специфический характер. Как правило, они складываются под влиянием не только внешних объективных (природно-климатических, экономических, общеполитических) факторов и обстоятельств, но и в существенной степени зависят от «качества» сельских сообществ. Речь идёт о степени сплочённости или разобщённости жителей села, об умении и желании разных социальных групп договариваться друг с дру-

гом, их способности объединяться ради общей цели, а также о приоритетах проводимой в рамках региона/района/ муниципалитета социальной и экономической политики.

По нашему мнению, сельская многоукладность, подразумевающая многообразие видов и форм экономической и социальной деятельности, способна не только смягчать кризисы, но и придавать дополнительные импульсы социально-экономическому развитию территорий с помощью перекрещивания разных мотивов и интересов, условий и традиций хозяйствования. Она может способствовать появлению дополнительных эффектов за счёт своеобразной синергии разнообразных практик. Но для этого нужны «правильные» комбинации, сочетания, композиции разных укладов, которые бы позволяли их носителям не просто уживаться, но и договариваться друг с другом, принимать на себя не всегда привычные функции и обязательства, а иногда «поступаться принципами» в ущерб собственным интересам. Именно характер взаимодействия представителей разных укладов, на наш взгляд, определяет траекторию развития сельского поселения и сельского социума, создаёт экономические и социальные предпосылки для его выживаемости, а также модернизации или, напротив, разрушения производства и социальной жизни.

К ресурсам, за которые соперничают и по поводу которых взаимодействуют представители разных укладов, относятся: рабочая сила, производственная инфраструктура, природные ресурсы (земля сельскохозяйственного и иного назначения, лесные угодья, водоёмы и пр.), а также бюджетные инвестиции и субсидии, выделяемые государством на цели аграрного и территориального развития.

Инструментами конкуренции работодателей за квалифицированных и исполнительных работников выступают системы стимулирования и уровень оплаты труда, техническая оснащённость и привлекательность условий работы (в том числе правила закрепления за работником машин и оборудования), режимы труда и отдыха, услуги, предоставляемые для ведения личных подсобных хозяйств, способы решения жилищной проблемы и формы оплаты коммунальных услуг, особенности «социального пакета» (в том числе формы поддержки работника и его семьи в трудных жизненных ситуациях).

Высокие риски работников при увольнении из сельскохозяйственного предприятия ради открытия собственного дела или перехода на постоянную работу в фермерские хозяйства или же трудоустройства за пределами села были связаны с тем, что они утрачивали не только рабочее место и соответствующий заработок, но и весь комплекс связей с предприятием. Эти связи во многом были определяющими для условия жизни семей таких работников. О том, насколько разнообразной может быть система льгот для работников и дольщиков сельскохозяйственной артели (бывшего колхоза), свидетельствуют выдержки из интервью с её главным экономистом: *«По отношению к тем, кто живёт у нас и здесь работает, действует несколько вариантов. Им уголь практически даром привозят. Машина льготного угля для них стоит 100 рублей, притом что её рыночная цена составляет сейчас, как минимум, около 2000 рублей. Водоснабжение у нас почти бесплатное – по 3 рубля в месяц, пенсионерам-дольщикам – совсем бесплатно. Мясо даём по 5 кг по 70 рублей. Хлеб они в колхозном магазине по 2,5 рубля за булку покупают. Услуги, какие оказываем, – всё по льготной цене. Корма доставляем бесплатно, огород пашем бесплатно»* (Кемеровская область, обследование 2008 г.).

Первоначальная монополия коллективных хозяйств старого образца на существующую в селе производственную инфраструктуру (технические средства, склады, мастерские, объекты первичной переработки, подъездные пути и пр.) заставляла представителей других укладов – прежде всего, предпринимательских, в лице глав фермерских хозяйств – искать каналы доступа к пользованию этой инфраструктурой. На этапе становления фермерских хозяйств отсутствие собственной ремонтной базы, оборудования для сушки и подготовки зерна, складских помещений, ёмкостей для хранения топлива вынуждало их глав налаживать кооперационные связи с работающим предприятием в легальных и нелегальных формах, например, с помощью прямых договорённостей с работниками. Эффекты от подобного сотрудничества были выше там, где предприятие переходило на рыночные принципы оказания соответствующих услуг представителям других укладов и обеспечивало прозрачность процедур обслуживания и доступность тарифов.

Со своей стороны представители фермерского корпуса оказывали бывшим колхозам и совхозам услуги по уборке урожая и вывозу грузов в тот момент, когда их собственный цикл уборочных работ подходил к концу, а в коллективных хозяйствах ощущался дефицит мощностей или работников. К концу 1990-х годов, когда экономическая ситуация на многих сельхозпредприятиях стала угрожающей, а фермеры были встревожены перспективой банкротства этих предприятий-конкурентов, отчуждение инфраструктурных (инженерных) объектов, принадлежащих коллективным предприятиям, представляло угрозу для функционирования многих фермерских хозяйств. В связи с этим в некоторых сёлах фермерское сообщество было готово выкупить по остаточным ценам мастерские, склады и прочие сооружения в целях их дальнейшего совместного использования [Фадеева, 2005, с. 97].

Следует отметить, что партнёрство между коллективными и фермерскими хозяйствами складывалось далеко не везде. Зачастую уход работников и, тем более, специалистов в фермерское движение воспринималось руководством сельхозпредприятий очень болезненно. Возникшие на месте бывшего товарищества враждебные или нарочито нейтральные отношения мешали формированию выгодных для обеих сторон моделей деловых взаимодействий и препятствовали рациональному использованию техники и ремонтной базы. Подобное своего рода «классовое» неприятие, как правило, возникало вследствие неоднозначной практики раздела коллективного имущества при выделении фермерских хозяйств из состава бывших колхозов и совхозов. С точки зрения руководства коллективных предприятий, появление большого количества новых мелких хозяйств не только не принесло ожидаемых экономических выгод, но и нанесло непоправимый ущерб крупным хозяйствам. Со временем многие выделившиеся фермерские хозяйства разорились и прекратили свою деятельность, так и не распорядившись по-хозяйски полученными бесплатно ресурсами. Из интервью с главой муниципального образования, бывшим главным специалистом совхоза: *«Наш совхоз «пал» за счёт фермеров. У нас сразу вышло 120 фермеров, и они порвали хозяйство напрочь. В то время была такая команда – если фермер выходит из хозяйства, то трактор, на котором он в совхозе работал, ему обязаны были отдать. Главы района спори-*

ли с этим, ездили, но команда была сверху, решение было принято. В результате хозяйство полностью «разорвали», всю технику забрали, вплоть до последнего гвоздя. Семена забрали, коров забрали, 3 дойных гурта забрали – пятилетних коров, самых молочных. Всё это порезали, всё поугробили. Я и у прокурора был по этому поводу. Чего тут только не было у нас, война здесь хорошая была. Сегодня остались работать из 120 только 12 фермеров. У нас ещё конезавод был – орловские, владимировские скакуны здесь были. Из конезавода выделилась фирма «Орловец». Её хозяева забрали этих коней, по району их «раскидали» – и фирма «приказала долго жить»» (Новосибирская область, обследование 2011 г.).

В наиболее открытой форме конкуренция между представителями разных укладов развернулась в земельной сфере. Как уже отмечалось ранее, одним из результатов земельной реформы стало то, что преимущественное право реализовывать свои интересы получил не формальный землевладелец («виртуальный дольщик»), а арендатор земли. Однако в тех сельских поселениях, где производством занимались разные хозяйствующие субъекты, борьба за дольщика приобрела вполне зримый характер. Инструментами подобной борьбы стали конкурирующие предложения по поводу ставок арендной платы и дополнительных услуг, оказываемых собственникам земельных долей, а также правила, используемые для определения конкретной дислокации и качества земельных участков, выделяемых под взятые в аренду доли. Для решения этих и других вопросов противоборствующие стороны должны были договариваться о «правилах игры» и находить компромиссы в земельных спорах, обеспечивая тем самым гарантии землепользователю на длительный срок.

Соперничество за землю можно было наблюдать не только в тех регионах, где почвы известны своим плодородием, но и там, где существуют альтернативы использования земли и её недр. Ярким примером в этом отношении могут служить сельскохозяйственные угодья Кузбасса, на территории которых находятся пригодные для добычи месторождения угля. Полевое исследование, проведённое в одном из сельских районов Кемеровской области, позволило нам зафиксировать то, как в реальной жизни формировался локальный рынок земельной аренды, а в конкурентной борьбе за землю сталкивались интересы разных субъектов хозяйствования,

соседствующих на одной территории. Показателен в этом отношении пример экономического противостояния в конкретном селе, где вместе с одним из самых сильных сельхозпредприятий Кузбасса, сохранившим патерналистские черты колхоза, нашли своё место десять фермерских хозяйств, выделившиеся из колхоза более 15 лет назад и добившиеся заметных экономических результатов.

В 2008 г. в действующем сельхозпредприятии дольщикам в качестве оплаты за сданную в аренду землю выдавались 1 т зерна или заменяющие его зерноотходы, а также назначались дополнительные льготы при оплате коммунальных и транспортных услуг, приобретении продуктов питания и кормов. Годовые арендные выплаты тем дольщикам, которые покинули село, но оставили бывшему колхозу свою землю в аренде, ограничивались выплатой рыночной стоимости 1 т зерна (от 3,5 до 5,5 тыс. руб. в зависимости от сезона). Экспансия предприятия на земли соседних хозяйств, оказавшихся в сложных экономических условиях, привела к тому, что обрабатываемые им поля отодвинулись за десятки километров от центральной усадьбы, а в число дольщиков попали жители «чужих» для предприятия сёл и деревень. За 2000-е годы бывший колхоз сумел не только сохранить прежние объёмы производства, но и значительно расширил земельный клин благодаря массовому банкротству своих соседей. Обрабатываемые им площади возросли до 13400 га земли, из которых более двух третей (9100 га) составили «долевые» земли. Общее число дольщиков насчитывало порядка 1000 человек. Это заставило руководство предприятия изменить механизм заключения арендных договоров. Если арендные договора, заключенные во время первой волны земельной приватизации, объединяющие дольщиков в единый список и обеспечивающие им расширенный вариант льгот, долгое время автоматически продлевались, то в тех селах, куда «колхоз» приходил позже, договора, как правило, стали подписываться и перезаключаться с каждым землевладельцем ежегодно. Эти договора при этом сопровождалась существенно меньшим набором сопутствующих обременений для арендатора. Предприятие закрепило за собой право предлагать разные ставки арендной платы своим дольщикам, дифференцируя их по месту проживания и времени передачи земли в аренду. Таким образом, рынок аренды земли разделился на два сегмента – внутренний и внешний.

Использование крупным сельхозпредприятием разного рода «немонетизированных» льгот поставило местных фермеров в заведомо тяжёлое положение, так как в борьбе за землю они должны были обещать дольщикам аналогичные или даже более высокие нормы выдачи зерна (от 1 т и выше за долю) и обеспечивать сопоставимый с «колхозным» пакет социальных/бытовых услуг. В подобных конкурентных условиях система земельных отношений, связывающая мелкого землевладельца с арендатором, способствовала сближению интересов сельских жителей (и в их лице – семейно-потребительского уклада в целом) с сельхозпроизводителями (представляющими два разных корпоративных укладов – патерналистский и предпринимательский), а также принуждала сельский бизнес к социально ответственному поведению. Последнее было вызвано тем, что в сельских сообществах, где межличностные связи весьма значимы и не менее важны, чем экономический расчёт, решение о выборе/смене арендатора могло иметь далеко идущие последствия. Селянина, забравшего свою землю из бывшего колхоза и передавшего её в аренду фермеру, председатель мог посчитать «предателем» и не согласится принять обратно, не ущемляя в правах. Из интервью с главным экономистом «колхоза»: *«У нас уходили с землёй к фермерам, но 10 человек вернулось назад, посчитали, что в колхозе лучше. Другие, может, и хотели бы вернуться, но уже гордость не даёт или председатель не берёт. А кто-то ушёл – и ему у фермеров нравится».*

Чтобы избежать подобного риска, дольщику нужна была уверенность в том, что фермер, который заинтересован в аренде его земли, не подведёт – и выполнит все обещания. Таким образом, порядочность и честность сельского предпринимателя и другие его человеческие качества стали своего рода залогом перспектив и успешности развития его частного хозяйства. Чтобы набрать нужное количество земельных долей, фермеру приходилось брать на себя несвойственную ему роль опекуна и обеспечивать своих арендодателей целым комплексом услуг. А именно, организовывать подвозку угля и стройматериалов, вспашку огорода, вывоз навоза, а также не оставлять в беде тех своих «подопечных», которые нуждались в срочной помощи. Из интервью с фермером, в чьём хозяйстве обрабатывалось более 4000 га земли, в основном арендуемой: *«Настороженное отношение ко мне продолжалось*

пять-семь лет. Сейчас уже такого отношения ко мне нет. У меня 250 дольщиков. Я их «кормлю» (каждому дольщику плачу 3 тонны зерна за земельный пай и 3 тонны сена), огороды пашу, уголь вожу, приходится ещё и навоз вывозить, и пиломатериал возить. И как они после этого будут к фермеру относиться?! Ведь им со всеми проблемами (кто заболел, кому нужно кого-то похоронить) – куда идти? Туда, куда землю отдали!»

В этой связи институт аренды земли стал источником закрепления ресурсных обменов между фермерскими хозяйствами и мелкими семейными подворьями. На «земельной» основе стали формироваться новые модели кооперации разных производителей, благодаря которым сельские семьи, даже утратив связь с крупным сельхозпредприятием, продолжали выращивать скот и вести своё хозяйство.

Фермеры подчёркивали, что их задача – удержать арендодателя у себя, создать ему такие условия, чтобы *«он не бегал от одного фермера к другому»*. Это заставляло их быть внимательными к каждому дольщику и по возможности идти ему навстречу. Из интервью с фермером (площадь обработки – 3000 га): *«У меня один дольщик живёт в городе, а земля его здесь. За аренду я ему плачу деньгами. Мы с ним договариваемся по цене на зерно и сено. Допустим, по договору, я с ним должен рассчитаться за 2 тонны зерна до Нового года. Если на рынке в это время тонна зерна стоила 4 тысячи рублей, то я ему выплачиваю за аренду его доли 8 тысяч рублей. И ещё плачу за 5 центнеров сена, допустим, по 200 рублей за центнер. Я эти суммы складываю и деньгами отдаю. Другие дольщики могут забирать у меня своё зерно, а потом его продавать»*. Другой опрошенный нами фермер вместо зерна был готов обеспечить своего арендодателя бесплатным углём. Как и руководство сельскохозяйственной артели (бывшего колхоза), фермеры стремились дифференцировать арендную плату в зависимости от срока эксплуатации земли. Если кто-то из них начинал свою работу на новом участке, выделенном под недавно переданные ему доли, то, как правило, он настаивал на более низкой арендной плате.

Казалось бы, что при такой конкуренции за землю должно было активизироваться движение земельных долей между разными землепользователями – и, в конечном счёте, самые успешные про-

изводители смогли бы получить контроль над основными ресурсами. Однако в реальной жизни, как показало наше обследование на Кузбассе, это происходит далеко не всегда. Перераспределение земли, по нашему мнению, тормозится из-за ряда причин.

Во-первых, «моральная заповедь» сельского бизнеса, объединяющего людей из одной деревни, запрещает вести бескомпромиссную борьбу среди «своих», даже находящихся в постоянном соперничестве друг с другом. Победа остаётся за традиционными нормами общежития и внутренней солидарности, что на практике выражается в заключении своеобразных «джентльменских соглашений о ненападении», обязывающих соперников не переманивать к себе ни дольщиков, ни работников. Из интервью с фермером: *«Мы договорились между собой, чтобы друг другу не ставить палки в колеса, чтобы землю не перехватывать или людей не переманивать. Ведь мы живем в одном селе, в том числе и с колхозом»*. О том же говорит и главный экономист бывшего колхоза: *«Хотя у нас конкуренция за землю очень большая, но мы с фермерами заключили джентльменское соглашение – и достигнутых договорённостей стараемся придерживаться»*. Благодаря этим моральным принципам в рамках одной территории возникают ниши для работы небольших, средних и крупных хозяйств.

Во-вторых, введение неформального запрета на переманивание дольщиков от одного арендатора к другому и мораторий на повышение арендных ставок в целом страхуют сельскохозяйственный бизнес от рисков разорения. Если бы дольщики каждый год передавали землю тем, кто обещал им более привлекательные условия, неминуемо возникла бы угроза стабильности развития многих хозяйств. Убытки понесли бы и те, кто лишился земли, и те, кто поддался бы шантажу арендодателя и включился в бесконечную гонку за землю. Судя по воспоминаниям фермеров, в момент становления их хозяйств именно так и возникал ажиотажный спрос: *«Поначалу дольщики бегали от одного фермера к другому – к тому, кто больше платит. Приходилось тоже поднимать оплату, чтобы они остались. Смотрели, правда, какая земля – где она находится, даёт она прибыль или нет. Если земля прибыль не даёт, то дольщика не старались удерживать»*.

Потребность в негласном сговоре землепользователей, который действовал не только между фермерами и крупными сель-

хозпредприятиями, но и внутри фермерского сообщества, возникла неслучайно. Неформальные договорённости, замедляющие движение земли, стали ответной реакцией на отсутствие действенных формальных механизмов защиты интересов арендаторов. Согласно введенной юридической норме, долговременные арендные договора подписывались и регистрировались в государственных органах только в отношении земельных участков. Договор об аренде земельных долей должен был перезаключаться ежегодно – и арендодатель в любой момент мог отказаться от его продления. О том, насколько неожиданно это может произойти, свидетельствует следующее фермерское интервью: *«Землю нужно обрабатывать, вкладывать в неё средства. В этом году один мой дольщик звонит мне перед посевной и говорит, что забирает у меня землю. Я ничего не смог ему предъявить. Мы договор с ним делали 5 лет назад через земельный комитет. Но сейчас вышел закон, по которому этот договор стал недействительным. Мне сейчас с этим дольщиком нужно оформлять договор только на год, потому что это не участок, а земельная доля. Поэтому земля сейчас вообще стала неопределённая».*

Но земля – это ценный невозобновляемый ресурс, которому вредит частая смена пользователей. Поэтому введение адекватного принципа регистрации долгосрочных сделок только с юридически оформленной недвижимостью подхлестнуло процесс физического выделения земельных долей и формирования на их основе земельных участков, инициатором которого выступили не собственники долей, а их арендаторы. Именно руководство сельхозпредприятий и главы крупных фермерских хозяйств взяли на себя организацию и издержки проведения землеустроительных и регистрационных действий. Тем самым они ускорили процесс легализации земельных отношений и постепенного превращения земли в капитал, что чрезвычайно важно для инновационного развития отрасли в целом. Аналогичное ускорение регистрационного процесса земельных прав мы наблюдали в 2011 г. в одном из районов Новосибирской области. Оно было вызвано приходом крупного агрохолдинга в одно из разорившихся хозяйств района. В качестве защитной меры против возможных притязаний мощной компании на другие земли руководители местных сельхозпредприятий поспешили привести в порядок земельные дела своих дольщиков

и заключить с ними долговременные арендные отношения. Как убедительно показал в своих исследованиях Эрнандо де Сото [Сото, 2004], ресурсы могут стать капиталом и на законных основаниях принести доходы только тогда, когда они получают легальный статус – государство своей властью юридически закрепляет и защищает права частной собственности. В полной мере это относится и к земельным ресурсам. Только при наличии государственной регистрации земля сможет выступать объектом договора в бизнес-сделках, становиться залогом для получения кредита, получать рыночную оценку.

Приобретение навыков толерантности началось в фермерской среде с момента выделения и определения границ отведённых для них земельных участков. Вызванное земельной реформой перераспределение земли произошло настолько стремительно, что не позволило создать условия для научно обоснованного размещения производства во вновь образованных фермерских хозяйствах или реорганизованных сельхозпредприятиях. Фермеры были вынуждены брать в обработку ту землю, которую им давали, серьёзно не задумываясь о территориальной разбросанности выделённых им участков и возрастающих в связи с этим затратах на транспортировку техники и грузов, а также об удалённости пастбищных и сенокосных угодий от животноводческих комплексов. По мере того, как активно развивающиеся сельхозпроизводители увеличивали свои площади, постепенно занимая земли разорившихся конкурентов, проблема компактности и расположения участков стала выходить на первый план. Из интервью с фермером: *«Земли у меня в разных местах, очень разбросаны друг от друга. Расстояние от поля до поля составляет 20–30 километров. Так как в селе конкуренция за землю большая – много фермеров и колхоз работает успешно, – то нам для развития приходится брать земли даже в соседнем районе».*

Изначально практика выделения земли фермерам носила явно дискриминационный характер. Земли для выделяющихся фермерских хозяйств (как в собственность, так и в аренду) отрезались от колхозных/совхозных угодий – и именно руководству бывших колхозов или совхозов принадлежал решающий голос относительно того, какие участки отдать «частникам»: поближе или подальше от села, на одном поле или на отдельных фрагмен-

тах разных полей. Единых правил выделения земли не было, поэтому всё зависело от позиции «колхозного» начальства. Из воспоминаний фермера: *«Раньше, когда мы брали в аренду долю, то под неё весной вместе с агрономом и председателем колхоза начинали искать, где нам отрежут землю. По закону предполагалось, что нам должны были выделять земли среднего качества – не самые лучшие, но и не самые худшие, и чтобы одним массивом. Но так как колхоз был и остаётся сильным, то он старался нам земли где-то похуже дать, там, где себе не надо. Поэтому нас подальше раскидывали и по разным местам».*

Однако со временем руководство сельскохозяйственных предприятий стало осознавать, что даже в рамках «земельного передела» нужно уметь правильно оценивать свои издержки и выгоды в создании новых режимов землепользования и поддержания севооборота. Поэтому разработка более прозрачных и демократичных процедур наделения землёй представителей другого уклада стала компромиссным выходом из затяжного конфликта. Продолжение интервью фермера: *«Когда колхоз нас раскидал по разным полям, то выяснилось, что и у него севообороты нарушились. Если на большом поле колхоз нам отрезал 20 гектар, то и нам неудобно, но и им неудобно стало. Сейчас для выделения долей в колхозе отведено одно большое поле на 200 или 300 гектаров. Все знают – вот это поле. Если я беру дольщики, то знаю, что их земли будут на этом поле. Если они мне нужны – я их буду брать. Если мне это очень неудобно или земля там не нравится, то я могу дольщикам отказать».* Как правило, земельные споры между хозяйствующими субъектами не получали заметного общественного резонанса. Стороны предпочитали мирно договариваться между собой, и до суда никто из наших респондентов дело не доводил. В ряде случаев в борьбе за землю локальное фермерское сообщество объединялось и совместно выступало со своими требованиями к руководству коллективных хозяйств. Оказалось, что так проще защищать свои интересы.

В момент обследования, проведенного в 2008 г., земельные конфликты между представителями разных укладов заметно ослабели. Реальные схватки, о которых вспоминают фермеры, шли вплоть до 1997–1998 гг., когда фермерские хозяйства ещё были технически маломощными и чувствительными к конфигу-

рации земельных наделов. После того как ведущие фермерские хозяйства серьёзно перевооружились технически, проблемы нерационального размещения земли для них отошли на второй план: *«У меня был один тракторишко, я мог какой-то участок обрабатывать в одном месте. А если ко мне еще 2–3 пая подошло – и землю мне выделяют не рядом, а совсем в другом месте, то мне было очень тяжело регулярно всё это перетаскивать, технику перегонять. Сейчас у меня также земля раскидана во все стороны, но есть хорошая мощная техника. Так что не сложно переехать с одного поля на другое. Поэтому к размещению участков у меня претензий нет. Также и у других стало».*

В достигнутом «статус-кво» земельные переделы практически прекратились – усилилось стремление успешных производителей поскорее завершить государственное оформление земельных прав и арендных отношений. Они прекрасно осознавали, что правовой вакуум в этих вопросах в скором времени завершится приходом на сельские просторы более деятельных и жёстких хозяйствующих субъектов – представителей крупного бизнеса, которые найдут способы завладеть землей и установят собственные правила игры. Из интервью с фермером: *«Я оформление земли всех дольщиков взял на себя, потому что половине из них вообще нереально будет это сделать. Они и не будут оформлять. Но как-то землю в порядок приводить надо! Мы решили, что все затраты возьмём на себя, хотя получить кадастровый номер только на один участок стоит 4,5 тыс. рублей. Мне придётся за всех заплатить больше миллиона рублей. Мне хотя бы кадастровые номера получить, чтобы я мог с людьми договора заключить, все границы в порядок привести. Вроде и не оформлять землю нельзя, что-то надо же с ней делать. Пока земля болтается».*

Для большинства российских регионов было бы преждевременно говорить о сложившемся рынке земли и установлении справедливых цен на землю. В немалой степени это обусловлено отсутствием полной инвентаризации сельскохозяйственных земель и данных кадастрового учёта, а также сохранением значительных площадей «невостребованных долей», т.е. земли без выявленных владельцев. Осуществлять поиск тех, кто числился в первых списках «дольщиков», но затем не предъявил свои права

на землю, выслать им уведомления о необходимости юридически оформить полагающуюся им землю, в судебном порядке лишить этих прав тех, кто умер, не передав доли по наследству, или же тех, кто не выразил желание вступить в права собственности, обязаны администрации муниципальных образований, у которых для этого нет достаточных ресурсов и специально подготовленных кадров. Другой фактор, замедляющий формирование полноценного земельного рынка, – низкий платёжеспособный спрос на землю среди действующих сельхозпроизводителей.

Но не всегда только финансовые ограничения удерживают землепользователей от скупки земли. Например, в двух сельских районах Новосибирской области, расположенных в 200 км от областного центра, земельная доля (около 10 га) в 2010–2011 гг. стоила в пределах 10–15 тыс. руб. Опрошенные нами главы двух сильных фермерских хозяйств из этих районов единодушно заявили, что не готовы по этическим соображениям выкупать у своих дольщиков землю за эту цену, эквивалентную двухгодичной стоимости арендной платы (2 т зерна в год). По их мнению, это означало бы прямой обман рядового крестьянина. И дело не только в мизерности подобной цены, но и в том, что с утратой земельной доли сельская семья лишится возможности держать своё хозяйство, крестьянствовать на своей земле. Из интервью с фермером: *«Я считаю, что выкупать землю у владельцев долей – это преступление. Мы доведём страну до того, что появятся барин, землевладельцы. На продажу земли ко мне записались человек 10–15. Это в основном пожилые люди, желающие просто избавиться от земли. Есть люди, которые не держат скотину. Я для них так решаю вопрос – за аренду земли плачу деньгами. Пока мне это нетяжело. Я считаю, что жить в деревне, иметь бесплатное зерно – и не откормить поросёнка, это бесхозяйственно»* (Новосибирская область, 2009 г.). Не стремились фермеры и загонять «в кабалу» своих дольщиков, заключая арендные договора на срок больше чем 10 лет. На меньший срок аренда фермерскому хозяйству не выгодна, так как земля требует вложений, которые окупятся повышенным урожаем далеко не сразу.

Подобные рассуждения о нормах справедливости идут в разрез с логикой поведения крупных компаний, разворачивающих свой бизнес в чужой для них сельской местности. Так, менедже-

ры крупного животноводческого комплекса, построенного с участием иностранного капитала, настаивали на заключении соглашений об аренде земли на 49 лет, но при этом не были расположены давать земельным дольщикам развернутые обещания по поводу объёмов и способов выплаты арендной платы, в том числе её изменения с учётом столь отдалённой перспективы. Из интервью с главой муниципального образования: *«На собрании дольщиков люди начали задавать руководителям комплекса вопросы: «На какой срок вы берёте в аренду нашу землю, почему? Будете ли вы, раз вы сами хвалитесь, что предприятие хорошее, идёт активно стройка, в дальнейшем увеличивать арендную плату за землю?» Эти вопросы воспринимались арендаторами очень болезненно. Присутствующий исполнительный директор воспринял их даже агрессивно. Я ему говорю: «Что Вы так реагируете?! Людям же интересно узнать всё про это, ведь они отдают землю вам на 49 лет. Т.е. они вам её в буквальном смысле дарят! Их обернут точно так же, как это было с ваучерами. Но Вы тогда расскажите им хотя бы о том, что именно в течение того времени, пока человек живой, он будет от вас получать»»* (Новосибирская область, 2009 г.).

В тех регионах, где спрос на землю особенно высок (плодородный юг, столичные агломерации), крупный капитал в борьбе за землю, как правило, не церемонится и безжалостно лишает крестьян прав собственности на землю или на её аренду. Для установления контроля над пахотными угодьями используются самые разные, в том числе противозаконные методы – по сути, рейдерский захват, шантаж, судебное аннулирование договоров аренды земли, махинации в регистрационной палате, мошеннический перевод земельных долей в уставный капитал сельхозпредприятий с их последующим банкротством и др. [Якутенко, 2012; Буртин, 2012; Никулин, 2012; Шагайда, 2012].

Качество возделывания земли, разнообразие и интенсивность технологий, применяемых разными субъектами хозяйственной деятельности, можно рассматривать как ещё один фактор «межукладной» конфликтности. Речь идёт о качестве обработки и запущенности полей, чреватой угрозой распространения сорняков, вредоносных насекомых и неконтролируемых возгораний на другие участки; методах химического воздействия на посевы, кото-

рые могут оказать негативное влияние на произрастающие по соседству многолетние кормовые травы и медоносные культуры и принести урон владельцам скота и пчеловодам¹; способах утилизации отходов животноводческих производств и восстановления нарушенного плодородия почв. Возрастание экологической нагрузки современных агротехнологий – ещё один повод для поиска компромиссных решений среди представителей разных укладов с разными мотивами хозяйствования, которые включают и стремление к повышению продуктивности (урожайности) за счёт интенсификации производства, и нацеленность на выращивание экологически чистой продукции, когда применение химических препаратов даже на соседних полях нежелательно.

Неформальные договоренности между разными субъектами хозяйственной деятельности, а также с сельским сообществом способны компенсировать существующие законодательные и правоприменительные пробелы не только в вопросах землепользования, но и в других сферах, касающихся локального рынка труда, процессов самоуправления и территориального развития. Чтобы достичь согласования экономических и социальных интересов разных групп, действующих на сельских территориях, важно создавать специальные механизмы, «принуждающие» к сотрудничеству самых разных производителей – и тех, кто работает в селе давно, и тех, кто начал осваивать местные ресурсы относительно недавно и имеет долгосрочные планы развития на данной территории. Успешность претворения этих планов в жизнь во многом будет зависеть от того, сумеют ли разные хозяйствующие субъекты расположить к себе местное население и убедить его в том, что судьба конкретного сельского поселения и его обитателей им безразлична, и совместно разработать локальный кодекс взаимодействий, устраивающий все заинтересованные стороны.

По мере углубления процесса хозяйственного освоения природных ресурсов (аренды и приватизации водоёмов и лесных

¹ Из интервью с пчеловодом: «Медоносная база для моих пчел негодная. Вчера проезжал мимо полей агрохолдинга "Русагро" и увидел, как они поливают хлеба какой-то химией. Поехал в Управление сельского хозяйства, спрашиваю: «Девчата, чем "Русагро" сейчас работает по хлебам? Какими ядохимикатами? Им косить надо, а они льют химию!» Моя пчела полетела на траву. Хлебнула химии и потравилась сплошь» (Белгородская область, обследование 2011 г.).

угодий) и культурного ландшафта сельской местности (в том числе в рамках развития рекреационно-туристических услуг) конфликтность в отношениях различных сельских групп может только нарастать. В связи с этим потребность в их договороспособности (умении договариваться) будет увеличиваться. В этих условиях местным и региональным властям важно обеспечить реализацию существующих и разработку новых защитных механизмов интересов сельского населения, препятствующих его масштабному отчуждению от привычной природной среды и сложившихся практик рекреационного природопользования.

4.2. Потенциал и реальные практики самоорганизации сельских сообществ

В качестве важного ресурса самоорганизации можно рассматривать накопленный внутри сельских сообществ социальный капитал и сложившиеся условия для его воспроизводства в будущем. Под «социальным капиталом» разные авторы понимают внутригрупповое *доверие*, набор разделяемых в рамках сообществ и организаций *норм и ценностных установок*, способствующих кооперации, взаимовыгодному сотрудничеству и снижению безжалостной конкурентной борьбы, а также *переплетение социальных связей*, используемых, в том числе, при производстве товаров и услуг [Fukuяama, 1999; Роуз, 2002, с. 23–28; Радаев, 2003, с. 5–16; Соболева, 2006, с. 16–29].

В наибольшей степени ресурс самоорганизации сельских сообществ был востребован в момент ликвидации в поселениях базовых сельхозпредприятий и возникновения массовой безработицы. Наши исследования в сёлах, оставшихся без крупного работодателя, показали, что далеко не везде сельские жители смогли справиться с локальным экономическим коллапсом. Можно выделить два типовых сценария развития данной ситуации.

В первом случае распад хозяйства провоцировал рост взаимного недоверия и разобщенности среди односельчан, выразившийся в их стремлении, не думая о ближайшей перспективе, опередить других в «утилизации» оставшейся от хозяйства техники, сдаче цветного металла вплоть до проводов местных ЛЭП, разбо-

ре бесхозных помещений. Люди постепенно уединялись в своих личных хозяйствах, иногда намеренно отстраняясь от прежде популярного общения с соседями. В таких сёлах рост материально-го неблагополучия становился поводом для отказа от моральной заповеди «не укради». Из интервью с сельским безработным: *«У нас сейчас воруют много – ничего оставить нельзя. В ограде мы ничего не оставляем, и гаражи закрываем, и баню уже закрываем, ну, всё закрываем. Бельё даже и то боимся на ночь оставлять. Раньше такого не было: уходили на весь день, дверь открытая была, никто не зайдёт»* (Новосибирская область, обследование 2006 г.). И другое сходное описание жизни людей в «брошенном» селе, где коллективное хозяйство прекратило свою деятельность более 10 лет назад: *«И грызёмся, и мирно живём. Сейчас большие каждый себе пытается оторвать. Расслоения большого среди людей нет. Зависть возникает тогда, если кто-то держит больше хозяйство, чем у других. Доверия большого среди людей нет. Можешь дома ночь или день не побыть, придёшь, а у тебя там уже всё вытащат. У меня вот топор упёрли – это сделали соседи, просто через забор перелезли. Вот у одной бабушки в летней кухне стояла бутылка масла подсолнечного – её упёрли. Фляги, всё тянут. Здесь царит атмосфера брошенности. Про нас уже лет десять никто не вспоминает»* (Новосибирская область, обследование 2005 г.).

Там, где мелкие кражи становились привычным явлением, люди со временем переставали доверять друг другу и старались всё прятать под замок, им было трудно объединиться для решения общих проблем (поддержание правопорядка, ремонт водопровода, организация сбытового кооператива). В результате в атомизирующемся социальном пространстве росло не только ощущение изоляционизма и заброшенности, но и усиливались иждивенческие настроения. Люди отказывались полагаться на собственные силы и перекладывали ответственность за свою судьбу на местные власти – именно наделённые полномочиями органы должны были, по их мнению, навести порядок, возродить производство или же дать советы о том, как жить дальше.

Для второго сценария было характерно то, что общие проблемы, связанные с потерей работы и изменением привычного уклада жизни, объединяли людей и способствовали усилению

взаимной поддержки. Однако по-настоящему сплотить людей помогало только общее дело, поиск новых экономических ниш и способов существования. Чтобы процесс самоорганизации начался, как правило, требовалось появление инициативного лидера, который, сумев перебороть апатию и неуверенность односельчан, предложил бы план дальнейших действий. При этом огромное значение имел сам факт того, что люди не опускали руки и пытались что-то делать. Они могли направить все силы на развитие семейного подворья или на сбор грибов и ягод «в промышленных масштабах», заготовку кедровых орехов и дров на продажу. Они могли попытаться привлечь в свои сёла туристов из крупных городов, жаждущих окунуться в мир «сельской экзотики» и природы, не тронутой цивилизацией.

Роль местного лидера в таких случаях была, как правило, весьма существенна. Он выполнял функции «третьей стороны», разбирая бытовые споры односельчан, находил способы нейтрализации нарушителей общественного спокойствия, организовывал культурную жизнь села, выступал посредником (просителем) в отношениях между всем сообществом и официальными властями. Он зачастую поддерживал контакты с внешним миром и становился непререкаемым моральным авторитетом внутри села. Оказываемое односельчанами доверие к такому лидеру становилось дополнительным ресурсом не только для выживания села, но и для нахождения новых и порой весьма нетрадиционных источников развития.

Рассмотрим интересные примеры поддержания социального порядка в безработных селах [Фадеева, 2008]. В одном из сёл самого отдалённого района Новосибирской области ещё в начале 1990-х годов в результате неудачной попытки разделения местного колхоза на множество фермерских хозяйств люди потеряли работу. Однако это не стало началом разрушения села – большая часть населения не поменяла место жительства и через 15 лет после развала колхоза. К числу важнейших причин такого благоприятного исхода можно отнести создание автономной и управляемой снизу системы сельской инфраструктуры под руководством главы администрации местного муниципального образования. Бывший главный инженер распавшегося предприятия, возглавивший сельскую администрацию, сумел перевести на баланс

своего ведомства часть колхозной техники, чтобы иметь технические средства для поддержания жизнедеятельности оставшегося без организованной работы населения, разрешить проблемы транспортной доступности села и создать конкуренцию на рынке частных услуг. Он сам так объяснял свои действия: *«Я всегда стремился к тому, чтобы ни от кого не зависеть. У нашего муниципального образования есть своя техника: два автобуса, микроавтобус, уазик, грузовой автомобиль, гусеничный трактор, колесный трактор, пожарный автомобиль, а также плуг, грейдер, бульдозеры. Я организую доставку людей из другого малого села сюда к автобусу, который идёт в райцентр, составляю на неделю график использования всей техники. Все жители наших двух сёл могут нанять муниципальный трактор, чтобы распашать свои огороды. Стоимость этих услуг невелика и составляет всего 20 рублей за сотку. В райцентре за аналогичную работу владельцы частной техники берут по 50–80 рублей. Фрезерование земли у нас стоит 40 рублей/сотка, в райцентре доходит до 100 рублей. Я намеренно своими расценками формирую альтернативу частникам, чтобы они не задирали цены на свои услуги»*. Этот же глава сельской администрации сумел привлечь городских заготовителей и обеспечить организованную закупку кедрового ореха у населения по достойным ценам.

В другом безработном селе, где за пореформенный период население сократилось до 80 человек, обязанности неформального мэра добровольно взял на себя заведующий местным клубом. Он подошёл к этому со свойственными ему выдумкой и изобретательностью. Стремясь поддержать культурную жизнь села, «мэр» регулярно приглашал на сельские праздники новосибирских артистов, используя для этих целей поддержку областных депутатов. Активно боролся с местным пьянством с помощью специальных репортажей по внутрисельскому радио, разоблачавших злостных нарушителей правопорядка. Он поддерживал постоянные контакты с районной службой занятости и помогал особо нуждающимся односельчанам обрести статус безработных и получить пособие.

В селе пригородного района, где также распалось сельхоз-предприятие, центром самоорганизации стала местная школа. Её директор и по совместительству староста села в момент нашего

приезда был озабочен тем, как приобрести на школу трактор и микроавтобус, чтобы использовать эту технику во благо жителей всего села: что-то привезти, расчистить, вспахать, убрать, отвезти стариков и детей в райцентр, в город. Здесь, как и во многих других сёлах, для улучшения питания школьников и удешевления школьных обедов учителя и ученики выращивали и перерабатывали своими силами овощи, родители снабжали школьную столовую мясом, местный фермер бесплатно поставлял хлеб из своей хлебопекарни.

Приведённые примеры наглядно подтверждают высказывания Портеса и Муни [Portes, Mooney, 2003] о том, что на пути разрушения устоявшегося общественного порядка в результате наступления капиталистических принципов эффективности и морали «каждый сам за себя» могут встать солидарность и накопленный социальный капитал сообществ. Тем самым опора на ресурсы, доступные посредством социальных сетей, вопреки сельскому «индивидуализму», способна смягчить разрушительный характер экономических преобразований.

Однако нельзя напрямую увязывать усиление солидарности и коллективистского начала только с критическими моментами в жизни сельских сообществ. Мы не раз сталкивались с тем, что в сёлах, не затронутых процессами деградации, трансляция норм здорового соперничества стимулировала благоустройство территории, способствовала наведению порядка и чистоты. На селе, в силу особой «открытости» частной жизни, реальная картина материального благополучия семьи доступна для окружающих. Символы семейного достатка, помимо качества жилища, состава хозяйства, наличия автомобиля и предметов длительного пользования, проявляются в красиво построенном заборе, искусно спроектированном цветнике и по всем правилам разбитом газоне, которые, несмотря на ограждение, не скрыты от взора прохожих. Культурное обустройство придомовой территории не всегда рождает зависть и злость, скорее наоборот, работает как стимулирующий фактор, сигнал к действию для других хозяев: *«Вот по улице идёшь и видишь, что у Надежды Михайловны уже георгины зацвели, а у меня ещё нет ничего. Вот она рано садила, видно, не ленивая... Все стараются как-то получше сделать – что-то и покрасить, и обиходить как-то»*. Эта открытость в выражении

своего статуса заставляет соседей либо подражать доступным образцам потребления, либо выступить в роли «законодателя» новых практик ландшафтного дизайна. Культ чистоты и порядка под влиянием непрерывного социального контроля приживается не только в частных усадьбах, но и на деревенских улицах, а также в местах общего пользования в многоквартирных домах, которыми застраивались некоторые сёла в советскую эпоху. Из интервью с сельским жителем: *«Раньше всяко было в подъезде: и чисто, и грязно. И ругалась, чтоб порядок был, чтоб было всегда хорошо... Любим чистоту – этого у нас не отнимешь. Все за неё боремся. Всё время белим сами, красим сами, всё делаем сами. Собираемся, складываемся, и никто никогда не возражает»* (Новосибирская область, обследование 2007 г.).

Подобное коллективное стремление к облагораживанию пространства, которое может быть инициировано и местными властями (в том числе с помощью регулярных конкурсов на лучшую усадьбу или же взимания штрафов за неубранный мусор и заросшие сорняками огороды), можно считать важным признаком жизнеспособности сельского социума. Из интервью с сельским мэром, который привлёк в село предпринимателя специально для открытия в селе пилорамы и развития строительных услуг населению: *«Да, люди шевелятся, шевелятся. Приходят ко мне, просят им помочь. Но тогда и я начинаю требовать: наведи порядок у себя во дворе, на приусадебном участке – отремонтируй забор, подправь дом. Они сначала обижаются, а потом говорят: «Ну, извините, я уберу». Я сам люблю порядок и чистоту»* (Новосибирская область, обследование 2009 г.). Дефицит сельского бюджета, отсутствие рабочих мест далеко не всегда препятствуют тяге сельчан к красивому оформлению мест отдыха и возможности заниматься спортом. Чтобы люди не чувствовали себя обездоленными и с этой точки зрения, за дело также берётся глава поселения. Из интервью с другим новосибирским главой села, на территории которого долгое время не было «градообразующего» предприятия: *«Мы сколько раз говорили с районом: «Вот вы там сделали у себя фонтан в райцентре, пустили воду, посадили там лебедей, а нам тоже хочется. Это болезненно у нас воспринимается – там есть, а у нас нету... В прошлом году мы в селе сделали качели, заасфальтировали площадку для детей. Тренажёрный*

зал мы сделали: туда вложили чуть ли не 100000 рублей 2 года назад. Коньки есть зимние, ролики есть».

Принятый в 2003 г. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» провозгласил выборность глав муниципальных образований и заложил основы модели формирования «автономных» бюджетов административных органов на низовом уровне. Однако и сейчас, по прошествии десяти лет, результаты реформирования системы самоуправления в экспертной среде вызывают неоднозначные оценки [Засулина, Самсонов, 2013, с. 282–339]. Хотя необходимость увеличения самостоятельности и окупаемости инициатив местных органов власти для развития локальных территорий никем не оспаривается, несоответствие возложенных на глав муниципальных образований полномочий и доступных для местных бюджетов источников налоговых поступлений практически перечёркивает реализуемость сценария устойчивого развития сельских поселений. Рост дотационности сельских бюджетов происходит повсеместно.

В обследованных нами регионах (Новосибирская и Кемеровская области, Алтайский и Забайкальский края) доля собственных доходов в местных сельских бюджетах, как правило, не превышает 15–20%. Исключением из общего правила являются регионы, на территории которых находятся предприятия, добывающие полезные ископаемые¹. Подобная ситуация означает отсутствие у местных властей возможности самостоятельно принимать решения по модернизации системы жизнеобеспечения, привлечению инвестиций для создания новых рабочих мест, оказанию поддержки местным бизнес-инициативам. Низкая доля собственных средств в сельских бюджетах связана не только с узким перечнем действующих предприятий и источников налоговых поступлений,

¹ Собственные источники доходов муниципалитетов составляют налог на доходы физических лиц, налоги на землю и имущество, по которым установлены крайне низкие ставки и к тому же действует целый ряд льгот. Отсутствие регистрации прав на земельную собственность, кадастровой оценки земель и генерального плана поселения также освобождают владельцев земли от налогов. В 2009 г. доля собственных налоговых и неналоговых доходов муниципальных районов в Новосибирской области составила лишь 14,4% доходной части их бюджетов (при среднероссийском показателе 25%) [Уварова, 2011, с. 241]. Подробнее об этих проблемах см. также [Никулин, 2009а].

остающихся на территории, но и с тем, что не все земли и имущество хозяйствующих субъектов и населения юридически оформлены.

Сложившиеся институциональные ловушки в рамках существующей модели самоуправления заведомо обрекают глав местных администраций на роль заложников административной системы. Любое неисполнение в срок предписанных полномочий может стать поводом применения к ним санкций и даже судебного разбирательства без выяснения объективных причин данного «пропуска». Универсальное объяснение подобных «неурядиц» – недостаточная финансовая обеспеченность задач, за решение которых отвечают руководители местной власти. В результате многие главы поселений в беседах с нами с горечью называли себя «рецидивистами», описывая свой богатый опыт взаимоотношений с правоохранительной системой. Неудивительно, что там, где дела с наполняемостью местных бюджетов обстоят особенно плохо, найти желающих работать главой администрации становится всё сложнее. Из интервью с главой администрации муниципального образования, на территории которого проживает более 700 человек: *«В нашем бюджете собственных доходов всего 230 тысяч рублей, а остальное – дотации. В этом месяце пришло только 60% дотаций – и все они пойдут на выплату «отпускных» работникам администрации. Сначала годовой бюджет планировался на уровне 2,5 млн рублей, потом более 300 тыс. руб. с нас сняли. Это деньги, которые должны были пойти на содержание жилья и дорог. Вот как хочешь, так и живи – плати зарплату, налоги, коммунальные услуги и попробуй как-то развивать село. Вот развивайтесь, как хотите, или умирайте... Нам всё время говорят: «Вы на дотации, вы на дотации!» Ну, оставляйте тогда здесь больше доходов. У нас же не только сельские советы на дотации, у нас же и район дотационный. У нас и область дотационная. Мы все дотационные»* (Новосибирская область, обследование 2009 г.).

Особую роль органы местного самоуправления играют сегодня в формировании цивилизованной системы земельных отношений. В сибирских регионах земля сельскохозяйственного назначения продолжает в основном находиться в коллективно-долевой собственности. Парадоксом наших дней можно назвать

отсутствие в сельских районах единого органа, отслеживающего движение земли, что составляет большую проблему для осуществления контроля над этим стратегическим ресурсом. Раньше на местах работали земельные комитеты, которые входили в систему районных управлений сельского хозяйства. В начале аграрных реформ процессы земельного передела и движения земли проходили в «плановом порядке». Однако когда на смену земельному комитету пришли государственные регистрационные структуры и частные фирмы, оказывающие услуги по межеванию земли, всеохватывающий реальный учёт земельных отношений был утрачен. В связи с тем что не все права на земельные доли до сих пор зарегистрированы, провести «инвентаризацию» дольщиков и землепользователей (по оформленным арендным договорам или же неформальным случаям землепользования) можно только на уровне сельских поселений. Но даже на этом уровне может генерироваться неточная (искажённая) информация о количестве сданных в аренду земельных долей и реальном движении земли, а также о заброшенных и реально обрабатываемых площадях.

Тем не менее именно главы поселений больше других заинтересованы в наведении порядка в системе учёта земельной собственности, так как это напрямую связано с объёмом поступлений в местный бюджет. Видимо, следуя этой логике, государство возложило на сельские муниципалитеты ответственность за легализацию «не востребовавшихся земель» (доля которых в сибирских регионах достигает 25% и более) в судебном порядке, не обеспечив их при этом дополнительными финансовыми ресурсами или же соответствующими специалистами. Процесс перехода не востребовавшихся (в том числе так называемых «выморочных») земель в распоряжение муниципальных органов (сельских советов) идёт крайне сложно и во многом зависит от инициативности и профессиональных компетенций глав сельских администраций, а также от имеющегося спроса на аренду или покупку «восстановленных» в юридическом статусе земель со стороны действующих хозяйствующих субъектов.

Пока же основную долю поступлений в сельские бюджеты формируют различные дотации и трансферты по линии межбюджетных отношений. Реализуемые государством правила поддержки сельских территорий не нацелены на стимулирование их эко-

номического развития. Их предназначение состоит в «выравнивании бюджетной обеспеченности». Выделение муниципальным образованиям финансовых дотаций происходит на основе исключительно социальных показателей и нацелено на решение сиюминутных текущих проблем. Это серьёзно ослабляет мотивацию местных властей к увеличению налоговой базы, созданию условий для наращивания производства и диверсификации экономической деятельности на вверенной им территории, так как и сильный, и слабый глава поселения всегда будут примерно в равных бюджетных условиях.

Вместе с тем зависимость объёма дотирования местных бюджетов от количества жителей нередко используется главами пригородных поселений в качестве стратегии развития своего рода «спальных районов» в сельской местности. Пользуясь большим спросом на жильё в пригородной зоне, местное руководство активно и целенаправленно ведёт работу по отводу земли под новое строительство, включается в региональные программы по развитию сельской инфраструктуры с тем, чтобы через рост населения извлечь своего рода «рентную составляющую» в виде дотационных вливаний в местный бюджет.

Изъяны формальных институтов сельского самоуправления отчасти нивелируются инициативой на местах и возникновением особых неформальных правил. Стеснённость в финансовых средствах не мешает стремлению ряда глав администраций муниципальных образований к созданию независимой и управляемой снизу системы жизнеобеспечения. Части сельских администраций в наследство от разорившихся местных предприятий достались хоть и подержанные, но восстановленные и вполне работающие трактора, грузовые машины, автобусы и прочие технические средства. Благодаря этой базе сельская администрация способна оказывать услуги населению по вспашке огородов, перевозке грузов и доставке пассажиров по доступным ценам, снижать расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг, противодействовать монополии районных служб и эгоизму частных предпринимателей.

Расширение зоны автономности в некоторых сёлах стало также возможно за счёт разделения труда и внутрисельской специализации, обеспечивающих замкнутый цикл производства

сельхозпродукции на семейных подворьях. Семейные хозяйства в подобных ситуациях становились оплотом жизни для потерявших работу селян. После распада коллективных сельхозпредприятий масштабное производство мяса и молока в хозяйствах населения осталось там, где за счёт приватизации колхозного имущества сформировался внутренний рынок кормов и услуг механизации по обработке земельных наделов, а также были организованы сбытовые или кредитный кооперативы. Только взаимный учёт интересов разных сторон – владельцев ЛПХ, обладателей сельскохозяйственной техники, заготовителей и перекупщиков – обеспечивал устойчивость подобной кооперации и обеспечивал выживаемость жителей «безработных» сёл.

Серьёзным недостатком внедряемой сверху модели сельского самоуправления стала, на наш взгляд, дезинтеграция системы управления основными структурами жизнеобеспечения села (жилищно-коммунальное хозяйство, школы, клуб и т.п.), которая ещё недавно была сосредоточена в едином центре – сельском совете. Отказ от консолидации средств на территории поселений породил новую проблему. Из-за недофинансирования и межведомственных барьеров каждое по отдельности учреждение перестало справляться со своими основными задачами, которые ещё недавно разрешались с помощью общего бюджета и точной расстановки приоритетов. Из интервью с главой МО (муниципального образования): *«Всегда ЖКХ занимались мы, т.е. сельский совет. У меня была котельная, вода – всё было наше. Три года назад нас заставили организовать МУП (муниципальное унитарное предприятие). Таким образом власть сбросила с себя ответственность за имеющиеся там неполадки. Мы организовали. Но у нас по деревням МУПы – это не организации, а «курам на смех». Я не отхожу от них ни на шаг. Они ничего не могут сделать, потому что у них нет денег, а сколько мы отапливаем объектов! Если только мы сведём концы с концами «по полям» и то хорошо! Всё – никакого развития вообще нет. Помогать мы им не можем, у нас даже такой строчки в бюджете нет. Мы даже права такого не имеем, хотя это всё наше, муниципальное»* (Новосибирская область, обследование 2009 г.).

Отчасти компенсировать институциональные недостатки «казённой» модели муниципального самоуправления помогают

неформальные договорённости между руководителями разных сельских институций, внутренние трансферты для своевременного завершения ремонтных работ (в школе или детском саду), привлечение местных спонсоров для решения социальных проблем (например, для организации бесплатного школьного питания): *«Здесь всё держится на порядочности людей, чисто на человеческих отношениях».*

В последнее время мы всё чаще сталкиваемся в сёлах с практикой объединения под одной крышей школы и групп детского сада. С одной стороны, подобная рациональность экономит средства на содержание «излишне свободных» с точки зрения наполняемости учениками сельских школ, а с другой стороны, высвобождаемые здания детсадов отдаются под нужды вновь создаваемых «Домов ветеранов», где под присмотром сельской общины доживают свой век одинокие старики, или же используются как дополнительный фонд ведомственного жилья.

В центре разных неформальных компенсаторных механизмов, как правило, всегда лежит деятельность главы сельского поселения, его личный контроль над различными сторонами жизни села, связанными с проектами благоустройства поселения и поддержки социальных институций. Дружественно-рабочие отношения между сельским главой и руководителем местного сельхозпредприятия могут стать весомым ресурсом для эффективного расходования бюджетных средств. Мы не раз сталкивались с ситуацией, когда предприятие заключало с администрацией села хозяйственный договор на заведомо невыгодных условиях и бралось по низким расценкам оказывать услуги по поддержанию социальной инфраструктуры. Нередко таким образом оформлялось погашение или же реструктуризация задолженности предприятия перед местным бюджетом, что было выгодно обеим сторонам.

Важно отметить, что во многом на характер и интенсивность отношений между местными властями и предпринимателями, от которых в немалой степени стало зависеть благоустройство территории, влияли личностные характеристики представителей этих двух групп: их расположенность друг к другу, история знакомства, личные симпатии или антипатии. Во многом от личных отношений этих людей, от их умения конструктивно мыслить и договариваться друг с другом зависели социальный климат в селе

и вероятность налаживания реального и эффективного партнёрства в противовес неконструктивной конфронтации, подрывающей единство и солидарность внутри сельского сообщества.

Сегодня главы администраций в муниципальных образованиях вынуждены брать на себя выполнение многочисленных хозяйственных, дипломатических (посреднических) и воспитательных функций. В рамках наших обследований мы нередко сталкивались с тем, как сельские сообщества пытаются заниматься воспитанием нерадивых родителей, оставляющих детей без надлежащего присмотра, по мере возможности ведут борьбу с пьянством. Сигналы о неблагополучных семьях приходят в первую очередь из школы; учителя совместно с представителями сельской администрации создают комиссии, члены которых разбираются в ситуации, приходят в такие семьи и проверяют условия проживания детей. Другой мерой воздействия является вызов провинившихся на заседания комиссии – «на ковёр» – для общественного порицания. Помимо своих прямых обязанностей по поддержанию порядка и обустройству территории, глава сельской администрации в той или иной степени вмешивается во все вопросы местной жизни. Зачастую он заменяет собой участкового милиционера, взаимодействует по самым разным вопросам с вышестоящими властями, привлекает в село потенциальных работодателей и отстаивает интересы своих жителей в трудовых спорах. Перечень зон ответственности главы администрации МО содержится в следующей цитате: *«Мне часто приходится быть и участковым, и воспитателем... Вот срочно нужен врач, а «Скорая помощь» куда-то ушла в больницу. Приходится помогать – всё бросаешь и едешь, везёшь больного. Я тут и царь, и бог, и работник – сам и подметаю, и убираю!»* (Новосибирская область, обследование 2009 г.).

Повлиять на местного работодателя или внешнего инвестора глава может проверенным административным способом: поставить или не поставить свою подпись на тот или иной разрешительный документ: *«Без сельского совета они всё равно шагу не сделают, потому что это наша земля! Советская власть и есть советская власть: её всё равно, хочешь – не хочешь, а уважать приходится. Любой документ подписывается главой поселения. Вот даже межевание земли никто не будет подписывать, если там не будет стоять подписи главы поселения»*. Именно эти

полномочия лежат в основе коррупционных действий представителей местных властей, вместе с тем они же могут стать действенным рычагом воздействия на сельских предпринимателей или же городских бизнесменов, пытающихся реализовать свои проекты в сельской местности. Посредством активных взаимодействий главы поселения с предпринимательским корпусом рождается реальная модель «социальной ответственности бизнеса», при помощи которой организуется адресная поддержка наиболее нуждающихся жителей села. Из интервью с главой администрации МО: *«Несмотря на то что наш бюджет очень маленький и своих доходов почти не осталось, я стараюсь выкручиваться – всякими правдами и неправдами. Раньше на свои деньги мы могли бабушке печь или крышу отремонтировать... А сейчас для этого привлекаем предпринимателей, которые уже крепко стоят на ногах. Приглашаем, разговариваем: «Ну, помогите нескольким людям, я знаю, что у вас дела идут нормально. Вы же работаете на нашей территории! Ну, понесёте какие-то убытки, но человек потом придёт и спасибо скажет».* Для главы поселения это самое важное!»

В качестве приоритета своей деятельности ответственный сельский глава обычно видит необходимость обеспечить работой как можно больше трудоспособных жителей села, чтобы они смогли сами зарабатывать себе на жизнь и избавились бы от иждивенческих привычек обращаться с просьбами и жалобами по любому поводу к местным властям. Именно поэтому он готов искать любые способы для расширения местного рынка труда: содействовать размещению промышленных производств, поощрять развитие сельского туризма и пр. Подобно тому, как крестьянская община выступала посредником между крестьянином, помещиком и властями (торговалась об условиях аренды земли, выполняла функции профсоюза и стачкома) [Громько, 1991; Зырянов, 1991, с. 114–124], сегодня низовые органы местного самоуправления вмешиваются в трудовые конфликты и направляют жалобы в прокуратуру по фактам несвоевременной выплаты зарплат работникам сельхозпредприятий, проводят мониторинг состояния земельных отношений и отстаивают интересы земельных дольщиков перед арендаторами.

Сельские сообщества весьма чувствительны к тому, кто и с какими планами приходит в село. На сегодняшний день немало жителей российских сёл ощутили на себе последствия «капита-

листического» освоения сельских территорий. Новый крупный бизнес нацелен на максимизацию доходов и повышение эффективности используемых ресурсов. Внедрение новейших агротехнологий приводит к серьёзным сокращениям работников, а при избытке местных безработных работа на новых предприятиях порой достаётся горожанам или жителям райцентра благодаря вахтовым (маятниковым) способам привлечения работников. Увеличение «резервной армии труда» на местах дополняется отчуждением сельских жителей от прав на землю и других природных ресурсов, возрастает техногенная нагрузка на экосистемы, порождаются негативные экологические и социальные последствия. В этих условиях селяне могут лишиться не только постоянной работы, но и возможности самостоятельного выживания. Из интервью с заместителем начальника районного управления сельского хозяйства: *«К нам в район пришел инвестор – московский агрохолдинг, специализирующийся на свёкловичном производстве, – и практически остановил местное производство. Он обосновался в удалённом, окраинном селе, где люди ради выживания занимаются практически только личным подсобным хозяйством. Работать там негде. И холдингу местные жители тоже не нужны. Идеальный вариант для любого инвестора – это отсутствие людей. Инвесторы были бы рады, если все люди враз повымирили бы, и они спокойно пришли бы на их земли. Отсюда такое пренебрежительное, наплевательское отношение представителей холдинга к местным проблемам и местным обстоятельствам»* (Белгородская область, обследование 2011 г.).

В качестве альтернативы подобному сценарию в сильных сообществах ставку пытаются делать на предпринимателей из числа своих жителей, в том числе на тех, кто когда-то покинул село, но готов вложить свой капитал в возрождение местной экономики. Чтобы создать условия для развития такого бизнеса, неравнодушные главы администраций МО пытаются по своим каналам добиться включения подобных проектов в региональные или федеральные программы поддержки бизнеса и даже выходят в качестве поручителей в банковские и другие финансовые структуры с просьбой о предоставлении кредитов. Из интервью сельского мэра: *«Инвесторы, в моём понимании, – это захватчики: пришли, увидели, победили, утащили – и ушли! Спросить не с кого. Вот*

если человек здесь вырос, бегал по этой земле, ему будет небезразлично то, что здесь происходит!» (Новосибирская область, обследование 2009 г.).

Благодаря популяризации философии «социально ответственного бизнеса» [Зарубина, 2006, с. 298–305; Чепуренко, 2007, с. 290–318], общественное мнение всё чаще стало предъявлять к отечественному предпринимательству повышенные требования, желая видеть в нём источник не только индивидуального обогащения, но и роста общественного благосостояния. В силу своей локализации сельский бизнес, в отличие от городского, гораздо чаще на практике реализует эту философию, так как он более чувствителен к настроению местных сообществ и зависим от политики руководства сельских администраций.

В интервью с главами муниципальных образований непрестанно звучала тема серьёзной поддержки сельских территорий со стороны фермеров в самых разных формах: расчистка дорог, вывоз мусора, подвозка угля пенсионерам, доставка школьников на соревнования, материальная помощь школе или детскому саду, реконструкция внутрипоселкового освещения, содержание противопожарного оборудования и т.д. Афишировать свой альтруизм фермеры не спешат, хотя их вклад в социальное развитие может быть весьма существенным и касаться самых различных социально-культурных сфер, начиная от пожертвований местной церкви и заканчивая организацией знаковых внутрисельских мероприятий. Из интервью с главой крупного фермерского хозяйства: *«Церкви даём 50–60 тысяч рублей каждый год: что-то привезти, раскрасить, что-то сделать. Садик, школу постоянно ремонтируем, в прошлом году там покрасить надо было. Спортивную форму покупаем, одеваем спортсменов. Покупаем подарки на День Победы, на День пожилого человека. Бюджет нашего села составляет всего 1 миллион рублей в год, а проблем много»* (Кемеровская область, обследование 2008 г.). Как правило, предприниматель мотивирует подобную благотворительность фактами из собственной биографии и укоренённым чувством причастности к жизни села, заботой о будущем членов своей семьи и поселения в целом. Из интервью с сельскими предпринимателями: *«Я же живу здесь, у меня дети здесь учились, будет внук учиться, ну как я на это могу смотреть? Я бы и больше делал, если бы*

были возможности»; «Я вырос в деревне, почему ей чем-то не помочь? В принципе, это не сильно накладно. Иначе зарастёт деревня мусором, кому это приятно?» (Кемеровская область, обследование 2008 г.).

Как показали наши исследования, в последнее время именно сельские предприниматели становятся реальными инициаторами развития спорта и физкультуры на местном уровне. Они организуют и проводят спортивные соревнования (лыжные гонки, игровые виды спорта), закупают форму и призы, привлекают к участию жителей села и сами не остаются в стороне от спортивных баталий. При непосредственном участии бизнес-структур в некоторых сёлах возрождаются традиционные «Проводы зимы» и другие массовые празднования и гуляния.

Тема сельской благотворительности, которую можно трактовать и как своего рода «налог на богатство», весьма многогранна. На наш взгляд, через активное участие в проведении неформальной корректирующей социальной политики фермеры и другие предприниматели, добившиеся экономических успехов, пытаются конструировать свой новый образ. Они избегают своей идентификации в образе «кулаков-мироедов» и делают многое для того, чтобы модернизировать облик села, а также преодолеть инертность и упадок сил его жителей, «расшевелить» местное гражданское общество.

В сохранении сплочённости духа и усилении идентичности жителей села сегодня немалую роль играют культурные и спортивные мероприятия и инициативы, которые получили «второе дыхание» буквально в последние 5–7 лет. В 2011 г. в ходе интервью с главой администрации МО, где в базовом (одном из трёх) селе проживает около 900 человек, речь зашла о регулярных конных скачках на местном ипподроме. Для участия в соревнованиях сюда съезжаются команды не только из сёл данного сельского района, но и из других районов области. Кроме того, энтузиасты-любители создали мужскую команду по хоккею, выстроили по месту жительства две хоккейные коробки, закупили форму и активно участвуют в региональных турнирах. Увлечённость занятиями конным спортом и хоккеем также передается детям: *«Конные соревнования по старинке у нас в селе проводятся ежегодно. Это считается как деревенский праздник. Здесь у нас конезавод*

был. В московском ипподроме висит табличка о рекорде нашего коня, который не побит и сегодня. Были здесь тяжеловозы, но в основном были орловские рысаки. И таких орловских рысаков сейчас по району у людей-частников много имеется... «Больных» (т.е. увлечённых) конями много в деревне. У нас много также «больных» хоккеем, за год в селе две коробки построили. Одну построили – и тут же решили строить другую, захотели сделать её больше по размеру и красивее. Играют в хоккей и мужики уже в возрасте до 50 лет. Все выходные этим занимаются, всю зиму. Дети у нас тоже хоккеем занимаются. Есть три команды – младшая, средняя и старшая. Команды детей младшего возраста даже нет в райцентре». Глава МО не преминул подчеркнуть, что культурно-спортивные инициативы не обходятся без материального участия сельских меценатов, в число которых вошли владелец столярной мастерской и пилорамы, а также глава частной строительной артели: «Кто 500 рублей даст, кто тысячу, кто сколько, чтобы праздник сделать, – пожалуйста» (Новосибирская область, обследование 2011 г.).

О жизнеспособности поселения можно судить по работе секций и кружков сельских Домов культуры, которые удивляют даже искушённых горожан изобретательностью театральных постановок, приуроченных к памятным датам села и общим праздникам, бережным отношением к народному творчеству, массовым привлечением детей к участию в самодеятельности. Серьёзную функцию выполняют сельские библиотеки, работники которых, помимо активной пропаганды любви к книге среди взрослых и детей, занимаются также составлением тематических альбомов о современной жизни села. Историческую память транслируют учителя, хранители местных (часто самодеятельных) музеев, вместе со школьниками коллекционирующие и восстанавливающие старинную утварь, а также ведущие летопись основных вех в истории поселения и его выдающихся жителей [Никулин, 2011а, с. 357–360].

Сельской спецификой можно назвать то, что большинство этих инициатив осуществляется на безвозмездной основе и опираются на подвижничество энергичных и преданных селу людей. Особый смысл приобретает доступность участия в этих коллективных проектах представителей разных социальных слоёв – и прежде всего детей из малообеспеченных семей. В ряду подобных примеров

можно назвать также бескорыстные усилия сельских учителей по подготовке выпускников школ к поступлению на бюджетные места в высших и средних профессиональных учебных заведениях.

В последние несколько лет в ряде депрессивных сельских районов России (в Архангельской области и в нечернозёмных регионах) набирает оборот движение сельских территориальных органов самоуправления (ТОС). Возникают ТОСы в тех поселениях, где в силу суровых природно-климатических или же неблагоприятных рыночных условий распались крупные сельхозпредприятия, их не заместили фермерские хозяйства, остались не реализованными возможности развития несельскохозяйственных производств или же сферы услуг. Оказавшиеся в такой ситуации жители «брошенных сёл» с помощью механизмов самообложения и трудовых отработок стараются сберечь, отремонтировать оставшуюся инфраструктуру или же создать новые элементы благоустройства и памятные места (отсыпать дорогу, возвести небольшой мост, создать памятник павшим в боях уроженцам села и ветеранам тыла и др.). Эти поступки свидетельствуют о том, что сельчане отчаялись ждать, когда государство повернётся к их нуждам лицом. Они разуверились в возможностях местных органов власти. В качестве действенной альтернативы они предпочитают стратегию «малых дел» – и под жёстким общественным контролем, чтобы избежать бюрократизации и коррупции, обходятся сбором небольших денежных сумм и/или же организацией общего субботника. Преимущественно ТОС возникает там, откуда ушёл налогоплательщик, где люди живут за счёт доходов от ЛПХ, неформального предпринимательства или отходничества (вахты). При этом они не собираются навсегда покинуть обжитые места, их связывают с ними память рода, любовь к сохранившейся в первозданности природе, приверженность сельскому образу жизни. Самообложение и инициатива снизу – это замещение государственной системы налогообложения, когда государство утрачивает на «неблагополучной» территории свою фискальную функцию, уступив её механизмам реальной самоорганизации.

Успех «самоорганизации снизу», как показало наше исследование в одном из сельских районов республики Башкортостан в 2014 г., в немалой степени зависит от правильно подобранной фигуры сельского старосты или руководителя ТОС, пользующе-

гося уважением сельской общины. Поддержка или же даже совместная деятельность ТОСов и местных официальных органов власти (администраций муниципальных образований) позволяет мобилизовать для решения насущной проблемы разные финансовые каналы, параллельно задействовать социальные связи и административный ресурс, общими усилиями координировать план действий, экономить ресурсы и контролировать расходы.

Так, в одном из «безработных» сёл Башкирии харизматичный владелец местной пилорамы и по совместительству глава ТОС, имеющий репутацию инициативного, щедрого и добродетельного человека, сумел организовать своих односельчан, чтобы сообща очистить и углубить внутриселковые пруды, навести порядок в молельных рощах (в селе в основном проживают марийцы-язычники). Он сам спроектировал памятник погибшим воинам, который по его проекту возвели местные умельцы. При ресурсной поддержке районной власти и спонсорских вливаний главы ТОС местная молодёжь и более зрелые неравнодушные жители за короткий срок сами построили сельский клуб, которого здесь не было даже в советское время. Для создания службы пожарной охраны посёлка на базе старенького ГАЗ-66 была восстановлена пожарная машина, для содержания которой были привлечены взносы населения. Для стимулирования трудового участия жителей во всех этих начинаниях на окраине села по инициативе главы ТОС было выделено специальное «общинное» поле, которое предприниматель-староста сам засеивал кормовыми культурами (использовал свою технику, посевной материал, ГСМ), а затем полученный урожай распределял между участвовавшими в совместных акциях односельчанами в соответствии с количеством отработанных ими «трудодней» в общественных акциях.

В Пермском крае механизм самообложения населения дополняется принципом бюджетного софинансирования. Если жители села готовы совместно что-то сделать для улучшения инфраструктуры села, то они выносят обсуждение этого вопроса на сходе, где договариваются о размере подушевых взносов. Затем собирается необходимый денежный фонд, а администрация села параллельно оформляет необходимые документы для участия в региональных программах софинансирования. Таким образом, у жителей села появляется шанс получить из бюджета края средства, в пять раз превышающие

собираемую ими сумму. Конечно, бюджетные деньги для этих целей ограничены, но сама возможность участия в конкурсе на получение этих средств заставляет глав сельсоветов шевелиться и «будить» инициативу масс. Другой способ привлечения финансирования – участие в конкурсах на получение грантовой поддержки социальных проектов из государственных и частных фондов.

Перечисленные практики самоорганизации сельской жизни являются результатом, на наш взгляд, спонтанной реакции локальных сообществ на драматические изменения социально-экономического порядка. Они вынуждены опираться на крайне скудные материальные ресурсы, но при этом находят источник своего сопротивления системе в сохранившихся моральных ценностях и коллективистских традициях. Однако приведённые примеры солидарного поведения далеко не повсеместны. Можно встретить немало сёл и посёлков, где в результате экономической трансформации произошёл безвозвратный распад социальной ткани села, усилилось взаимное недоверие и безразличие людей к крайним проявлениям «человеческой» деградации – утрате трудовой мотивации, массовой алкогольной и наркотической зависимости, разрушению традиционного патерналистского отношения к детям и старикам.

На этом фоне вынужденные социальные инновации – это сигнал того, что институты государственного обеспечения отступают из села под лозунгом «оптимизации» сети социального обслуживания и административных структур. Как следствие, растёт число случаев закрытия малокомплектных школ и фельдшерско-акушерских пунктов, происходит укрупнение муниципальных образований, межрайонные объединения налоговых органов и представительств Пенсионного фонда РФ. Противопоставить этому сельские сообщества могут распространившиеся в последние годы практики опекуновства и усыновления детей ради сохранения сельской школы, навыки самолечения и неформальных заказов на покупку лекарств, а также наказов к тем, кто может регулярно выезжать в райцентр или в другой район, готов посетить государственные учреждения по делам других лиц.

Применение «универсальных» методов решения проблем, примерами которых изобилует отечественная история (коллективизация и деколлективизация, борьба с ЛПХ и искусственная фермеризация, ликвидация «неперспективных деревень» и т.п.),

должно быть ограничено. Государственная политика на селе не может носить единообразный для всех территорий и субъектов характер, а одной из основных ее задач должна стать поддержка отмеченных нами механизмов социальной самоорганизации посредством дифференцированных мер в отношении разных типов сельских территорий с учётом фактически сложившихся уникальных соотношений между разными хозяйственными укладами.

4.3. Практические аспекты формирования социально-экономической политики в отношении сельских территорий

Одним из главных принципов устойчивого развития является переход от невоспроизводимых факторов роста к воспроизводимым. Применительно к сельскому хозяйству этот подход приобретает дополнительный смысл, связанный с сезонной цикличностью производительности в отрасли и ограниченными возможностями формирования запасов продовольствия. При сложившемся относительно постоянном спросе общая стоимость продукции аграрного сектора в неурожайные годы будет оказываться выше её стоимости в урожайные годы, что может спровоцировать рост цен на продукты питания в первый период и их обвал – во второй, вынуждая сельхозпроизводителей «отдавать увеличение своей производительности покупателям в форме снижения цен» [Райнерт, 2011, с. 190–191]. Подобные колебания делают непредсказуемой динамику цен на продовольствие, угрожают банкротством множеству предприятий и тем самым подрывают основы устойчивости и сохранности всей отрасли в целом. Чтобы этого избежать, многие государства, в том числе европейские, разрабатывают и реализуют специальную систему мер поддержки сельскохозяйственного производства и обеспечения определённого уровня доходов фермеров, стимулируют применение высокопроизводительных индустриальных технологий, позволяющих демпфировать действие природных факторов. Отдельные страны Западной Европы начали заниматься этим уже с 1970-х годов, а со второй половины 1980-х годов благодаря принятию общей законодательной базы подобные меры получили институциональ-

ное и политическое оформление и стали осуществляться в рамках единой политики стран ЕС (при частичном сохранении национальной и региональной специфики).

За последние 30 лет теоретические представления о целях и механизмах поддержки сельских территорий достаточно сильно эволюционировали. Специалисты выделяют три концепции сельского развития, отражающие последовательную смену взглядов на соотношение отраслевых и территориальных принципов развития сельской местности, а также на способы интеграции местных ресурсов и инициатив [Мантино, 2010].

Первая (отраслевая) концепция ставит во главу угла развитие аграрного сектора. Она соотносит сельское развитие с комплексной модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса. Вторая концепция делает акцент на сближение уровня развития наиболее отсталых сельских районов с другими территориями. Приоритетным направлением в рамках третьей (территориальной) концепции является развитие сельских районов в целом с помощью привлечения всех ресурсов территории (природных, человеческих, физических, культурно-ландшафтных и пр.), на основе широкой диверсификации экономических видов деятельности и интеграции разных компонент на местном уровне. Здесь зафиксирован «идеологический» переход от проектов развития (поддержки) отдельных предприятий к проектам развития всей территории при активном хозяйственном освоении разных природно-физических элементов пространства и мощной активизации человеческого и социального капитала [Мантино, 2010, с. 15]. «Территориальная» модель сельского развития была формализована на уровне ЕС в конце 1980-х годов, её активное превращение в жизнь датируется 1990-ми годами.

Смена концептуального представления во многом была обусловлена теми эффектами, которые были получены в ходе проведения политики стимулирования развития европейского сельского хозяйства. Модернизация аграрной отрасли привела к образованию излишков сельхозпродукции, вызвала необходимость ввода квот на производство отдельных видов продукции и прямых запретов на его расширение, а также усилила экологические риски. К тому же затраты на техническое обновление и поддержку сельхозпроизводителей и проблемных территорий стали весьма

обременительны для европейских бюджетов. Выходом из сложившегося положения стал поиск, часто спонтанный, новых товаров и рынков, выразившийся в диверсификации производства и источников доходов. Распространение получили такие новые сферы деятельности, как агротуризм, сохранение природных ресурсов и управление ландшафтами, углублённая переработка сельхозпродукции на фермах, производство продуктов высокого качества и региональной специализации, формирование новых коротких цепочек сбыта продукции и др.

В результате практического применения новых подходов к развитию сельских территорий произошло усиление связей между сельским хозяйством и другими отраслями местной экономики; удалось привлечь капитал из отраслей несельскохозяйственного производства для развития депрессивных территорий и реанимировать старые сельхозпредприятия, сохранить и улучшить качество человеческого капитала семейных ферм; во многих случаях удалось остановить исход сельского населения, а иногда и обеспечить его прирост, что имело следствием повышение спроса на услуги социальной сферы.

Территориальная модель предусматривает два альтернативных источника сельского развития. В одном случае двигателем обновления могут выступать сельское хозяйство и агропродовольственный сектор, в рамках которых осуществляется комбинация сверхкрупного специализированного производства, основанного на «экономии от масштаба», с более мелкими и гибкими типами производств, где эффект (синергия) достигается за счёт совмещения разных видов деятельности, используется более устойчивая и щадящая по отношению к окружающей среде техника, осваиваются новые рынки. В другом случае смена траектории сельского развития осуществляется посредством диверсификации местной экономики, в том числе путём переноса в село «городских» предприятий и сферы услуг и отказа от центральной роли аграрного сектора. Опыт развитых стран показывает, что в настоящее время растёт доля фермеров, занимающихся помимо сельского хозяйства другими видами деятельности. В Англии доля таких хозяйств приближается к половине [Франкс, 2007, с. 213]. В США большинство мелких ферм принадлежит сель-

ским жителям, основным источником доходов которых является внефермерская занятость [Протопопов, 2007, с. 101].

Оба варианта базируются на комплексном использовании человеческих, природных, культурных и социальных ресурсов сельских территорий. Они невозможны без появления «новых форм и механизмов координации и управления конфликтами между сельскохозяйственными производителями и другими действующими лицами» [Мантино, 2010, с. 26]. Для этого необходимо, чтобы согласование интересов субъектов хозяйствования и локальных сообществ происходило в рамках разного рода партнёрств (проектных комитетов и других форм совместного действия), объединяющих различных агентов (предпринимателей, представителей разноразрядных органов власти, общественных активистов) для участия в разработке и реализации стратегий сельского развития. Другим необходимым элементом создания и стимулирования экономической активности на местном уровне было признано формирование сетевых связей между предприятиями, экономическими и социальными агентами, которые также могли выходить за пределы отдельных районов и регионов. Это обеспечивало бы получение синергетических эффектов при комплексном освоении территорий.

Ещё одна важная черта территориальной модели развития – наделение большими полномочиями местных институтов (частных и государственных) как при разработке направлений развития, так и при управлении и осуществлении соответствующих программ. Этот подход, тем не менее, не отменил принцип многоуровневости управления сельским развитием, реализация которого обеспечивалась за счёт активного участия ЕС в финансовой поддержке региональных программ и местных инициатив, в установлении системы правил и ориентиров при переходе от национального к региональному и местному уровням. Таким образом, сельское развитие стало рассматриваться в качестве многомерного и многоуровневого процесса, привлекающего к сотрудничеству большое количество участников. Как писал в 2006 г. Van der Ploeg, «Сельское развитие не есть просто одномоментное преобразование административных правил и не может считаться результатом суммы нормативных преобразований: оно будет процессом долгосрочным и противоречивым и останется на повестке дня государственной политики на десятилетия

как вызов и как проблема» [Цит. по: Мантино, 2010, с. 27].

Созвучные идеи указанной территориальной сельской концепции были положены в основу разрабатываемой нами совместно с З.И. Калугиной парадигмы сельского развития в условиях России, предполагающую постепенный отказ от «государственного патернализма» в пользу перехода на «рельсы саморазвития» при равноправном партнёрстве государства, бизнеса и населения [Калугина, Фадеева, 2009, с. 273–299]. В рамках новой парадигмы в качестве стратегической была сформулирована следующая цель сельского развития: «обеспечение прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе (1) полифункциональности аграрного сектора; (2) многопрофильности сельской экономики; (3) сохранения неурбанистического образа жизни; (4) многоукладности аграрного производства. На основе данных, отражающих уровень социально-экономического положения сельских районов Новосибирской области в 2004 г., нами был выполнен иерархический кластерный анализ, позволивший сделать вывод о зональной дифференциации развития новосибирских территорий, концентрации производства и населения вокруг мегаполиса, а также о разнонаправленности процессов сельского развития, происходящих в пригородах и на периферии. В том числе речь шла о разном соотношении хозяйственных укладов в локальных сельских системах, о более быстрых темпах трансформации корпоративно-патерналистского в корпоративно-предпринимательский уклад в пригородных районах, о преобладании семейных (в том числе натуральных) форм хозяйствования и почти что растроченном потенциале коллективных предприятий в отдалённых и отличающихся тяжёлыми природно-климатическими условиями районах¹.

¹ «Если в пригороде оставшиеся на плаву коллективные хозяйства со временем получили более-менее стабильный рынок сбыта, почувствовали заинтересованность переработчиков и покупателей в своей продукции, сумели привлечь инвестиции для материального перевооружения своего производства, то на периферии, вслед за разрушением местной переработки, сузился рынок сбыта, посредники стали жёстче диктовать свои условия, а возможности рентабельного земледелия практически сошли на нет. Поэтому на периферийных территориях население было вынуждено всё больше времени и внимания уделять ЛПХ как основному источнику существованию, повышая тем самым степень самоэксплуатации» [Калугина, Фадеева, 2009, с. 288–289].

Нами был сделан вывод о необходимости разработки разных моделей обустройства сельских территорий, диверсификации сельских экономик и источников развития в зависимости от сложившейся комбинации хозяйственных укладов, природно-экономических факторов, имеющегося человеческого потенциала. Было отмечено, что при определении перспектив сельских районов важно исходить не только из достигнутого социально-экономического уровня, но и оценивать потенциал (конкурентоспособность, инвестиционную и социальную привлекательность) территории.

В качестве успешного примера реализации данного подхода можно привести практический опыт администрации Маслянинского района Новосибирской области по диверсификации и повышению эффективности экономики района, созданию новых рабочих мест [Ярманов, 2013, с. 48–54]. Потребность в революционных изменениях в управлении муниципальным районом назрела к середине 2000-х годов, когда власти осознали, что потенциал сельхозпредприятий патерналистского толка полностью исчерпан, отрасль задыхается без инвестиционных вливаний, требуется радикальная смена приоритетов развития. Органами власти на всех уровнях был проведён анализ состояния природных, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов, а также возможностей их эффективного использования и воспроизводства. Была разработана система среднесрочных и долгосрочных планов, включая механизмы их корректировки. На основе анализа ресурсной базы были определены основные мероприятия и «точки роста», к которым были отнесены приобретение новой сельскохозяйственной техники и оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции и дикоросов; улучшение племенного стада крупного рогатого скота; производство и глубокая переработка льна; строительство и расширение туристических комплексов; реконструкция и строительство жилья, объектов социальной сферы, а также реструктуризация их сети, газификация района. В марте 2006 г. районной администрацией был создан «Маслянинский агропромышленный холдинг», который, помимо оценки конкурентных преимуществ района, занимался привлечением инвестиций, бизнес-консультированием, созданием «инвестиционного продукта» (в виде работающих муниципальных унитарных предприятий) и поиском надёжных

инвесторов. Вновь образованные муниципальные предприятия при этом играли роль готовых бизнесов «для продажи». Заинтересованные частные инвесторы могли выкупать активы этих предприятий и брать на себя их долговые обязательства по привлечённым кредитам, с помощью которых осуществлялось техническое перевооружение. В результате инвестор при росте доходов рассчитывался с долгами, получал прибыль, а район, в свою очередь, – устойчивые социально-экономические показатели по тому или иному целевому направлению развития. Важную роль в создании инвестиционной привлекательности района сыграли активность главы районной администрации и глав входящих в район поселений, а также партнёрство местной власти с предпринимательским корпусом.

Проводимая государством политика сельского развития, как правило, включает в себя три направления: поддержку доходов и рынков, повышение уровня (трансформация системы) занятости, модернизацию сферы социальных услуг и рост благосостояния населения [Мантино, 2010, с. 33–34]. Ярким воплощением подобной концепции в российском варианте можно считать политику сельского развития, реализуемую администрацией Белгородской области. Она базируется на принципах многоукладности сельской экономики, направлена на усиление роли экологического и органического земледелия, на формирование новых каналов сбыта сельхозпродукции и установление справедливого соотношения цен производителей, переработчиков и продавцов, а также на развитие сельских социальных кластеров¹.

Белгородская область занимает особое место среди российских регионов. Здесь зафиксированы одни из самых высоких в

¹ В расчёте на типовое поселение с количеством жителей в 1000 человек в области задан стандарт социального кластера, который включает 8 элементов: образовательные (школа на 110 человек, детсад на 50 человек, спортивный зал площадью 270 кв.м), досуговые (клуб на 250 мест, сельские кафе на 40 посадочных мест, библиотека и игровые помещения) и лечебные (амбулатория с аптекой, помещение для врача) учреждения, учреждения административно-коммунального назначения (администрация, коммунально-технический центр, баня, пожарное депо) и охраны порядка, культовые сооружения, благоустроенное кладбище и парк [Никулин, 2009]. Исходя из этих критериев, в 2011 г. 70–80% сельских поселений области (без учёта хуторов) имели на своей территории полноценный социальный кластер.

России темпы развития сельскохозяйственного производства. По сравнению с 1990-м годом объёмы продукции АПК возросли в 1,6 раза, тогда как в среднем по стране они составили только 90% от предреформенного уровня. За этот период численность работающих в отрасли сократилась в 2,5 раза, а рост производительности труда составил 4 раза. В настоящее время область является крупнейшим производителем мяса птицы и свинины в стране, в 2010 г. здесь было впервые в истории произведено более 1 млн т мяса. Производство мяса птицы в 2010 г. превысило уровень 1990 г. в 15 раз, свинины в живой массе – в 3,2 раза. Производительность труда в животноводстве возросла в 5,3 раза¹.

С начала 2000-х годов аграрный сектор области был представлен преимущественно корпоративно-предпринимательским укладом, в рамках которого доминирующее положение заняли сверхкрупные вертикально интегрированные агрохолдинги, активно сочетающие преимущества концентрации факторов производства (земли, труда и капитала) с применением «индустриальных» технологий. Среди них как холдинги российского масштаба, управляющие компании которых расположены в Москве, а филиалы работают также в других регионах (к их числу относятся, например, Мираторг, Русагро), так и холдинги «областного подчинения», изначально имевшие «белгородскую прописку» и впоследствии совершившие экспансию далеко за пределы области (например, Агро-Белогорье, Приосколье).

Закреплению за агрохолдингами лидирующих позиций в Белгородской области предшествовала масштабная акция по приобретению земельных долей у крестьян специально созданным областным фондом². Перешедшие в собственность области

¹ Эти и последующие фактические данные взяты из справки Начальника департамента агропромышленного комплекса Белгородской области, заместителя председателя правительства области для предоставления в пресс-службу Минсельхоза России.

² Целенаправленная работа по консолидации продуктивных земель на территории Белгородской области осуществлялась государственным специализированным учреждением «Фонд государственного имущества Белгородской области», которое от лица субъекта Российской Федерации было уполномочено приобретать земельные доли граждан с целью передачи их в управление ОАО «Белгородский земельный фонд» для дальнейшего использования в сельскохозяйственном товарном производстве [Государственный (национальный) доклад

более 40% пахотных земель стали серьёзным рычагом в политическом контроле за процессом землеустройства и землепользования, способом защиты социально-экономических интересов региона, инструментом реального воплощения стратегических проектов. В соответствии с разработанными правилами устанавливаются дифференцированные сроки аренды и ставки арендной платы (в зависимости от надёжности и добросовестности арендатора¹), а также предусмотрены механизмы согласования интересов области и агрокорпораций. Подобная «прививка лояльности» крупному бизнесу заставляет его охотнее идти на контакт не только с региональной, но и с муниципальной властью.

Каждый из белгородских холдингов, как правило, объединяет множество связанных друг с другом предприятий, составляющих закрытый (единый) производственный цикл. Это позволяет не просто выращивать продукцию и доводить её от поля и животноводческого комплекса до прилавка (в том числе – в собственные торговые сети), но и возвращать отходы производства (с помощью различных технологий утилизации) на поля, заниматься улучшением сортов растений, пород животных и кормового рациона, рационально выстраивать севооборот. Так, например, в 2011 г. в состав «ГК Агро-Белогорье», специализирующегося на производстве мяса свинины, входило 13 свиноводческих комплексов, в том числе 9 ферм по производству товарной свинины, 2 племенных фермы, племенной репродуктор, 2 комбикормовых завода, 5 зерновых компаний, инновационное предприятие по утилизации стоков, 2 автотранспортных предприятия, предприятие по производству молока, торговый дом и мясоперерабатывающий завод. По тому же принципу действовало и ЗАО «Приосколье», являющееся одним из основных поставщиков качественного и, по мнению ряда экспертов, самого экологически чистого мяса бройлеров на российский рынок. Подобное высоко-

о состоянии и использовании земель..., 2010, с. 48]. На покупку земли было израсходовано порядка 2 млрд руб., одна земельная доля (размером около 5 га) покупалась в среднем за 20 тыс. руб.

¹ Из интервью со специалистом областного Департамента АПК: «Срок аренды достаточно короткий. Десять лет и меньше, хотя для проверенных местных холдингов устанавливается максимальный срок аренды – 49 лет. Более успешному арендатору даётся право на более длительное пользование землёй» (Белгородская область, обследование 2011 г. Интервью было записано О.Я. и В.Г. Виноградскими).

технологичное преобразование продовольственного комплекса потребовало в течение 7 лет более 150 млрд руб. инвестиций, которые область привлекла, успешно используя возможности специализированного национального проекта и федеральных программ поддержки сельского хозяйства. Это позволило создать около 50 тысяч новых высокооплачиваемых рабочих мест. При этом среднемесячный заработок в сельском хозяйстве области в 2011 г. составил около 20 тыс. руб., что почти в 2 раза выше общероссийских показателей.

Однако для крупномасштабных вертикально простроенных структур, показавших свою эффективность в производстве «скороспелой» (т.е. дающей быструю отдачу) товарной продукции, не представляло интереса развитие таких производств, как экологическое овощеводство, садоводство и пчеловодство, овцеводство и молочное козоводство, кролиководство, грибоводство, рыбоводство, сельский туризм и разные промыслы. Для того чтобы поддержать эти направления, область решила сделать ставку не на крупные, а на средние и малые формы хозяйствования. К этому шагу руководство подтолкнуло и последовавшее за активным этапом «агрохолдингового строительства» массовое высвобождение рабочей силы. Для большого количества «лишних людей» требовалось срочно организовывать новые ниши занятости и рабочие места, характеризуемые не столь интенсивным, как на крупных производствах, и более гибким графиком работы. Встал вопрос о необходимости конструирования сбалансированной экономики, позволяющей сочетать преимущества разных хозяйственных укладов. На этой волне региональным руководством в 2007 г. было принято решение о запуске специального комплекса программ «Семейные фермы Белогорья», поддержки малого и среднего бизнеса и развития разных видов кооперации¹. Приоритеты были расставлены следующим образом: во-первых, обеспе-

¹ Из интервью со специалистом областного Департамента АПК: «Когда пришли агрохолдинги, высвободилось очень много рабочей силы. Холдинг заинтересован в высокой производительности труда и лишних работников ему не нужно. Но людей не бросили на произвол судьбы, а стали развивать "Семейные фермы Белогорья". Программа по свиноводству началась на рубеже 2004-2005 годов, а программа "Семейные фермы Белогорья" действует с 2007 года. То есть за эти два года власти увидели, что происходит с населением, что появляется масса невостребованных работников, и сразу начали искать какой-то выход» (Белгородская область, обследование 2011 г.).

чить фермера, мелкого и среднего производителя всем необходимым для производства, исключив непрофильную работу (за счёт софинансирования затрат на подвод коммуникаций и производственную инфраструктуру), и, во-вторых, превратить его продукцию в конкурентоспособный товар с помощью формирования новых рынков и каналов сбыта (в том числе через интернет), развития логистики продаж и сети фирменных (фермерских) магазинов.

Для реализации принятых программ развития разных сфер сельского предпринимательства в каждом сельском районе были сформированы координационные центры, руководство которыми было поручено или главам районных управлений сельского хозяйства, или ответственным за экономическое развитие сельских территорий. В свою очередь, деятельность этих центров курировалась сотрудниками созданных в областном департаменте АПК специализированных отделов. В районные центры за информационно-консультационной поддержкой мог обратиться любой сельчанин, пожелавший организовать своё дело, связанное с производством и переработкой молока, мяса, овощей, выращиванием грибов, ягод (клубники), цветов и посевного материала, разведением рыбы, предложением рекреационно-туристических услуг и пр. Если идея признавалась экономически перспективной, то потенциальному предпринимателю помогли составить бизнес-план, собрать документы для получения земельного участка или аренды водоёма и включения в планы строительства инфраструктурных объектов, найти залог для кредита на льготных условиях, подать заявку на участие в региональном конкурсе на получение безвозмездной ссуды (гранта в размере до 300 тыс. руб.).

Важным инструментом поддержки инициативы снизу стало формирование сетевых структур, работающих по так называемому «принципу ромашки». В их центре оказывались местные лидеры (новаторы) малого частного бизнеса, сумевшие накопить позитивный опыт и желающие поделиться своими практическими знаниями и ресурсами с теми, кто только начинал делать первые шаги. Интерес лидеров к подобному участию в судьбе новичков подогревался в том числе открывающимися возможностями расширения их бизнеса за счёт вовлечения большего числа агентов, работающих «на субподряде», и возникновения новых коопера-

ционных связей¹. Хотя подобные программы, призванные усилить роль индивидуально-семейного предпринимательского уклада, только набирают обороты, они уже помогли частично возместить утраченные рабочие места в быстро модернизирующейся аграрной отрасли. Следует признать, что объёмы инвестиций, направленных на расширение малого и среднего бизнеса, на порядок меньше, чем финансирование агрохолдингов². Однако помимо финансового дефицита более полному раскрытию потенциала этого уклада мешают также объективные и субъективные трудности расширения «социальной базы» снабженческо-сбытовых, кредитных и других кооперативов.

В качестве приоритетного направления аграрной политики в Белогорье был выбран переход на «биологическую» систему земледелия как важнейшую технологическую инновацию. Многие зерновые компании начали работать по системе минимальной обработки почвы. Вместо вспашки земли под пары они осуществляют посевы сидеральных культур, которые накапливают азот и становятся «зелёным удобрением». Даже такая обыденная вещь,

¹ Из интервью со специалистом областного Департамента АПК: *«Вот есть, например, некая базовая, центральная ферма, которая уже давно работает, накопила определенный опыт. Или же какой-то активный человек, который начал бизнес и тут же пошел в быстрый рост. Он знает законы и правила, соотношает и является своеобразным лидером – а это редкость среди крестьян. И вокруг этих форм, которые прочны и перспективны, аккумулируются, кучкуются люди. К этим «центрам ромашки» тянутся слабенькие хозяйства, вплоть до ЛПХ. Я знаю такую крупную успешную кролиководческую ферму, которая передает молодняк другим мелким хозяйствам в счет их будущих доходов. Сами эти мелкие фермочки заготавливают корма и делают клетки и, таким образом, работают как филиалы большой центральной кроликофермы. Они самостоятельно что-то, может быть, и продают, но в основном работают через центральную ферму. Это хоть и не классическая кооперация, но уже некие коллективистские начала и задатки тут налицо»* (Белгородская область, обследование 2011 г.).

² С 2007 по 2011 г. участниками программы «Семейные фермы Белогорья» стали порядка 17000 человек. 327 фермеров получили гранты на развитие бизнеса на сумму 97,5 млн руб., 145 – льготные кредиты на сумму 100,3 млн руб. (притом, что на развитие агрохолдингов областное правительство привлекло около 120 млрд руб.). В 2011 г малые формы хозяйствования привлекли кредиты с субсидированной процентной ставкой в размере 2,0 млрд руб. При этом сумма субсидий из федерального и областного бюджетов на эти цели составила 96 млн руб.

как солома, ценится в области «на вес золота» и распределяется по жёстким разрядам, так как многие хозяйства стремятся оставить на поле пожнивные отходы (элемент программы биологизации земледелия и почвосберегающей нулевой технологии обработки почвы, на которые к 2011 г. перешли уже треть зерновых хозяйств). К тому же высокий спрос на солому предъявляют животноводческие комплексы, вносящие свой вклад в расширение ареала органического земледелия. Курс на усиление экологической составляющей в развитии региона поддерживают областные программы «Зелёная столица» и «500 парков Белогорья», нацеленные на увеличение площади лесов и искусственных посадок с существующих 15% от территории области до 25% к 2014 г., разбивку парковых зон и озеленение городских и сельских поселений.

На наш взгляд, важнейшим эффектом активно используемого в Белгородской области программно-целевого подхода, воплотившегося в целой серии региональных программ (помимо перечисленных – это создание пчелопарков, программы «Школьный мёд» и «Школьное молоко», малоэтажное жилищное строительство, создание «родовых поместий», программы развития спорта и оздоровления населения и др.), является стимулирование спроса и создание условий для разных видов экономической деятельности. Это было бы невозможно без взаимного учёта интересов субъектов хозяйствования, принадлежащих к разным укладам.

Приведём соответствующие примеры. С ориентиром на семейные фермы в области стала разворачиваться программа развития молочного животноводства, призванная компенсировать резкое сокращение количества крупного рогатого скота на частных подворьях. «Сброс» поголовья случился в результате прихода агрохолдингов, который вызвал, с одной стороны, сокращение пастбищных угодий и кормовой базы ЛПХ, а с другой стороны, кардинальные изменения в режим работы сельских жителей. Ведомственный транспорт, как правило, развозит работников птицеводческих и свиноводческих комплексов на работу рано утром, а домой они попадают к 6–7 часам вечера, что ограничивает их возможности в ведении личных хозяйств. К тому же из-за жёстких эпидемиологических требований работникам птицеводческих

комплексов запрещено содержать птицу на своих семейных подворьях. Подобный запрет действует и в отношении занятых на свиноводческом производстве.

Главный инструмент поддержки мелкомасштабного животноводства, используемый в Белгородской области, – субсидирование покупки скота и сена. Существенный рост в севообороте доли многолетних и однолетних трав, обусловленный политикой, направленной на биологизацию земледелия, стимулирующей, в том числе, засевание склонов (для борьбы с эрозией почв) кормовыми культурами, позволил увеличить производство сена и создал возможность для предоставления его на льготных условиях личным подворьям и молочным фермам. За каждую приобретённую тонну сена производитель мог получить дотацию в сумме 1 тыс. руб. (при покупке не более 3 т сена на одну голову скота).

Изменение структуры посевов также благоприятно сказалось на развитии пчеловодства. С 2010 г. в области стала создаваться система стационарных пчелопарков, окружённых посевами мёдоносных культур, достаточными, чтобы компактно разместить от 300 и более ульев¹. Одновременно с этим действует программа

¹ Обоснование идеи размещения «пчелиного кластера» развивает в своём интервью представитель областного Департамента АПК: *«В рамках медовой программы у нас всё решается в комплексе. Биологизация земледелия – это расширенные посевы многолетних и однолетних трав. Многолетники – это, как правило, мёдоносы. Если есть мёдоносы, то определённые площади надо опылять. У нас создаётся целая система пчелопарков. Вокруг большой пасеки создаётся большой массив мёдоносов, которые во время вегетационного периода постоянно вырабатывают пыльцу для пчел. Одни отцветают, другие входят в силу и, начиная с ранней весны и до поздней осени, пчела может на одном месте собирать мёд. И не надо пасеке кочевать. Таких пчелопарков создаётся в каждом районе Белгородской области не менее двух. А есть районы, в которых организуется по семь пчелопарков. И там будут находиться не только стационарные крупные пасеки, но и вся инфраструктура, завязанная на бизнес вокруг мёда. Тут же включается рекреационный потенциал – на пасеке, в пчелопарке можно и поест мёда, и полечиться, и отдохнуть – там, как правило, где-то поблизости есть пруд или озеро, всё вокруг цветёт и благоухает. Вот получается такой круговорот идей и мёда в природе. Программы по биологизации земледелия, пассивного природопользования и «Зеленая столица» (там тоже стараются высаживать мёдоносы – акация, липа, чёрный клен) работают в одном ключе – стремятся увеличить массу зелёных насаждений, чтобы улучшить экологическое состояние и пашни, и области в целом»* (Белгородская область, обследование 2011 г.).

бесплатного питания школьников и воспитанников детских садов, в рацион которых включены молоко и мёд местного производства. Ежегодно в области организуются медовые ярмарки, налажены оптовые поставки мёда на столичные рынки. Решены проблемы реализации овощей, выращенных в хозяйствах населения (в области активно используется практика выделения земельных наделов в поле до 1 га). Часть закупаемых у населения овощей распределяется по заявкам социальных учреждений (школ, больниц, домов престарелых). За счёт поставок выращенной в ЛПХ продукции сельчане могут гасить ссуды, выданные на строительство индивидуального жилья в рамках специализированных областных программ.

Следует подчеркнуть, что новый импульс к развитию малый бизнес получил благодаря стратегической переориентации крупных зерновых компаний, входящих в состав агрохолдингов, на позиции биологического и органического земледелия¹. В немалой степени этот переход был сделан под нажимом областной власти и при непосредственном участии первого лица – губернатора Е.С. Савченко, ставшего идейным вдохновителем «экологической революции». Губернатор лично убеждал собственников и менеджмент компаний в необходимости этих инноваций, обязывал их сотрудничать с учёными-аграрниками и при этом всячески способствовал массовому трансферту новейших технологий.

Так, в Красноярской зерновой компании по инициативе лично губернатора были созданы научно-исследовательские подразделения, занимающимися селекционной работой и подготовкой семян для посевов многолетних трав, в том числе для продажи другим хозяйствам. Разрабатываемая в Ивнянской зерновой компании спутниковая (навигационная) агрономия для определения состава почвы и «адресного» внесения удобрений, по мнению губернатора, должна стать доступной и другим сельхозпроизводителем: *«Почему вы (Ивнянская зерновая компания) только для себя этим занимаетесь?! А давайте-ка ваши дорогие маши-*

¹ Из интервью с заместителем генерального директора зерновой компании: *«Программа биологизации земли – это формирование нового образа мышления, снижение воздействия искусственного земледелия. В нашей зерновой компании на 1 га обрабатываемых площадей вносится 11 тонн органических удобрений»* (Белгородская область, обследование 2011 г.).

ны, связанные со спутником, пустим по кругу. Будем приглашать вашу технику вместе с людьми за разумную плату в другие компании и хозяйства» (реплика губернатора на совещании сельхозпроизводителей Белгородской области, лето 2011 г.). Конечно, подобный административный указ не совсем корректен в отношении частной компании, так как он касается её конкурентного преимущества. Однако выстроенная в области система взаимодействия представителей власти и крупного капитала, основанная в первую очередь на политико-экономических «сдержках» и «противовесах», позволяет им находить разумные компромиссы, что в целом позитивно влияет как на развитие экономики области, так и отдельных сельских районов.

Управленческий аппарат, объединяющий разные уровни власти, нередко задействуется для решения социальных проблем. Например, борьба с сельской безработицей, которая входит в обязанности районных служб занятости, курируется и областным правительством. Губернатор обратил внимание чиновников двух департаментов (АПК и экономического развития) и представителей бизнеса (в лице Россельхозбанка) на то, что за счёт федеральных антикризисных программ (дающих право безработному открыть свое дело, используя годовой фонд выплат пособия по безработице) можно реально пополнить ряды предпринимателей из числа сельских безработных, если провести активную агитацию на местах. Для решения этой задачи администраторы в ранге не ниже уровня начальника управлений были командированы для поездок по всей области с разъяснительно-пропагандистскими целями. Перед ними была поставлена задача – совершить едва ли не тотальный подворный обход, чтобы убедить безработных встать на учёт в центры занятости. Главам сельских муниципалитетов было предписано провести «селекцию» снизу и убедить «выйти из тени» инициативных мастеровых людей, чьи умения могли бы быть востребованы на местном рынке (речь идёт прежде всего о строительных и бытовых услугах). К тому же с помощью нового бизнес-рекрутинга предполагалось восстановить оставшиеся с колхозных времен неиспользуемые производственные мощности (мастерские и пр.), привлечь желающих для возрождения опустевших хуторов (в том числе с помощью программы «Родовые поместья»).

Крупный и средний бизнес принимает активное участие в реализации социальных проектов. Проявление социальной ответственности сельского бизнеса в Белгородской области в основном носит не спонтанный характер, а системно организовано благодаря сложившимся институтам сотрудничества предпринимателей и органов местного самоуправления. Например, в Краснояружском районе топ-менеджеры крупных сельскохозяйственных предприятий участвуют в оперативных планерках районной администрации (современный аналог советских партийно-хозяйственных активов) и межрайонных зональных совещаниях, что способствует активному привлечению бизнес-структур к управлению развитием сельских территорий. В частности, практикуются ежемесячные добровольные отчисления предприятий, входящих в состав агрохолдингов, во внебюджетные фонды сельских муниципалитетов; регулярные спонсорские акции для поддержки школ и дошкольных учреждений (приобретение оборудования по заявкам образовательных учреждений, поощрение лучших учеников, организация досуговых мероприятий для детей); обустройство спортивных уличных площадок и закрепление совместной с жителями ответственности за их содержанием; заключение долгосрочных договоров с муниципалитетами на расчистку дорог в зимнее время; формирование местных пожарных дружин из числа механизаторов сельхозпредприятий; участие в озеленении поселенческих и производственных территорий и создании объектов ландшафтного дизайна; пожертвования на строительство храмов.

Краснояружская зерновая компания, которая обрабатывает до 90% пахотной земли одноименного района (и при этом работает ещё в 6 районах области), взяла на себя обязательства бесплатной выдачи зерна (по «плавающему» курсу, в зависимости от урожая) бывшим земельным дольщикам. Таким образом, область, скупившая земельные доли, и крупный землепользователь, получивший их в аренду на 49 лет, за счёт выплаты своего рода «пожизненной земельной ренты» оказывают ресурсную поддержку частным подворьям, способствуя сохранению семейно-потребительского уклада.

Такое зачастую «патерналистское» участие бизнеса в процессах развития сельских территорий не случайно. Во многом оно

направляется и стимулируется «властной вертикалью», а поддерживается повседневными деловыми и человеческими отношениями на районном и сельском уровне. Вместе с тем нельзя сказать, что во всех районах налажен подобный контакт. Отсутствие взаимопонимания между руководством крупных сельхозпредприятий и районной администрацией часто бывает обусловлено «московской» (или другой иногородней) регистрацией холдинговых структур и тем, что у области по отношению к ним нет «земельного» рычага влияния, что заведомо ослабляет позиции местной власти и ущемляет права местного населения. В связи с этим проблема пространственной поляризации социально-экономического развития региона остаётся достаточно острой, в том числе и потому, что внешний инвестор не всегда готов считаться с интересами территории, а местных ресурсов не хватает для того, чтобы погасить негативный эффект от экспансии крупного производителя-монополиста.

При этом областные власти осознают недостаточность только политических и экономических инструментов согласования интересов. С 2009 г. в области начала разрабатываться идеологическая концепция «солидарного общества», призванная сформировать в обществе запрос на объединяющую разные социальные слои национальную идею и «привить» жителям области представления о ценности солидарного начала и ответственного отношения к социуму, природному и экономическому потенциалу территории¹.

Перечислим основные, на наш взгляд, характеристики и этапы формирования специфической белгородской модели многоукладности и сельского развития:

¹ В 2011 г. Управлением информации и массовых коммуникаций Администрации Губернатора Белгородской области была подготовлена брошюра «Единство в главном. Методические материалы по проекту «Формирование социальной инфраструктуры регионального солидарного общества», в которой шла речь не только о базовых ценностях солидарного общества (духовность, нравственность, доверие и солидарность), но и о практических механизмах претворения данной морально-этической «утопии» в жизнь. Тираж брошюры был направлен, прежде всего, в районные и поселковые органы самоуправления для ознакомления и публичного обсуждения.

- управляемая трансформация корпоративно-патерналистского уклада в корпоративно-предпринимательский при предоставлении административных и экономических преференций вертикально-интегрированным структурам. Лидерство области в привлечении федеральных средств для этих целей¹ означает, что такой способ развития доступен далеко не каждому субъекту Федерации;

- осознание социальных, экологических, финансовых рисков и угроз агрохолдингового доминирования (монополизации), разработка и реализация защитных механизмов, среди которых можно назвать формирование областного земельного фонда, принуждение землепользователей к биологическим и экологическим принципам земледелия и природоохранной деятельности; стимулирование социально ответственного поведения бизнеса;

- конструирование сбалансированной модели многоукладной экономики с помощью разработки специальных областных программ, ориентированных на развитие разных хозяйственных укладов. Отметим, что подобное администрирование не исключает избытка заорганизованности и бюрократического контроля, но в то же время повышает личную ответственность чиновника за порученный ему фронт работ и консолидацию совместных действий участников программ на разных уровнях;

- создание условий для эффективного взаимодействия представителей разных укладов, сетевых (кооперативных) производственных сообществ, экономических и социальных кластеров, использующих потенциал разных форм хозяйствования;

- идеологическая поддержка отношений солидарности и кооперации, опора на возрождение и развитие традиционных национальных ценностей, таких как православие, патриотизм, гуманистическая культура старой и советской России [Никулин, 2011a].

¹ Белгородская область является крупнейшим реципиентом средств федерального бюджета на поддержку сельского хозяйства в рамках софинансирования региональных проектов, участия в целевых программах, в том числе направленных на социальное развитие села. В 2011 г. объем бюджетной поддержки сельскохозяйственной отрасли достиг рекордной суммы – 14,5 млрд руб., в том числе за счёт Федерального бюджета область получила 12,5 млрд руб., что составило около 8% от всех выделенных по этой статье средств.

Анализ практик сельского развития, которые мы наблюдали в разных регионах России, позволяет нам выделить три возможных подхода к управлению сельским развитием:

- *управление развитием сверху*, которое осуществляют региональные органы власти, иницируя разработку и реализацию программ сельского развития для формирования многоукладной экономики, в сочетании с «принуждением» бизнеса, прежде всего крупного, к социально ориентированному поведению и участию в проектах благоустройства сельских территорий;

- *горизонтальное взаимодействие и неформальное партнёрство* представителей органов локальной власти с главами хозяйств, действующих на территории, и местным предпринимательским сообществом;

- *управление развитием снизу* посредством деятельной инициативы и массового участия жителей сельских поселений в планировании и проведении в жизнь инфраструктурных и социальных проектов на основе самофинансирования с возможным привлечением средств из муниципальных и федеральных бюджетов.

Мы перечислили далеко не все подходы. В отдельных районах или поселениях разные стратегии и практики сельского развития могут комбинироваться друг с другом, давая дополнительный эффект. Однако там, где сельские сообщества разобщены, а конфликт интересов власти, бизнеса и населения носит перманентный характер, обеспечить условия для выхода территорий из социально-экономического кризиса, а их жителей из морально-психологической депрессии крайне сложно.